КАФЕДРА ЯЗЫКОЗНАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

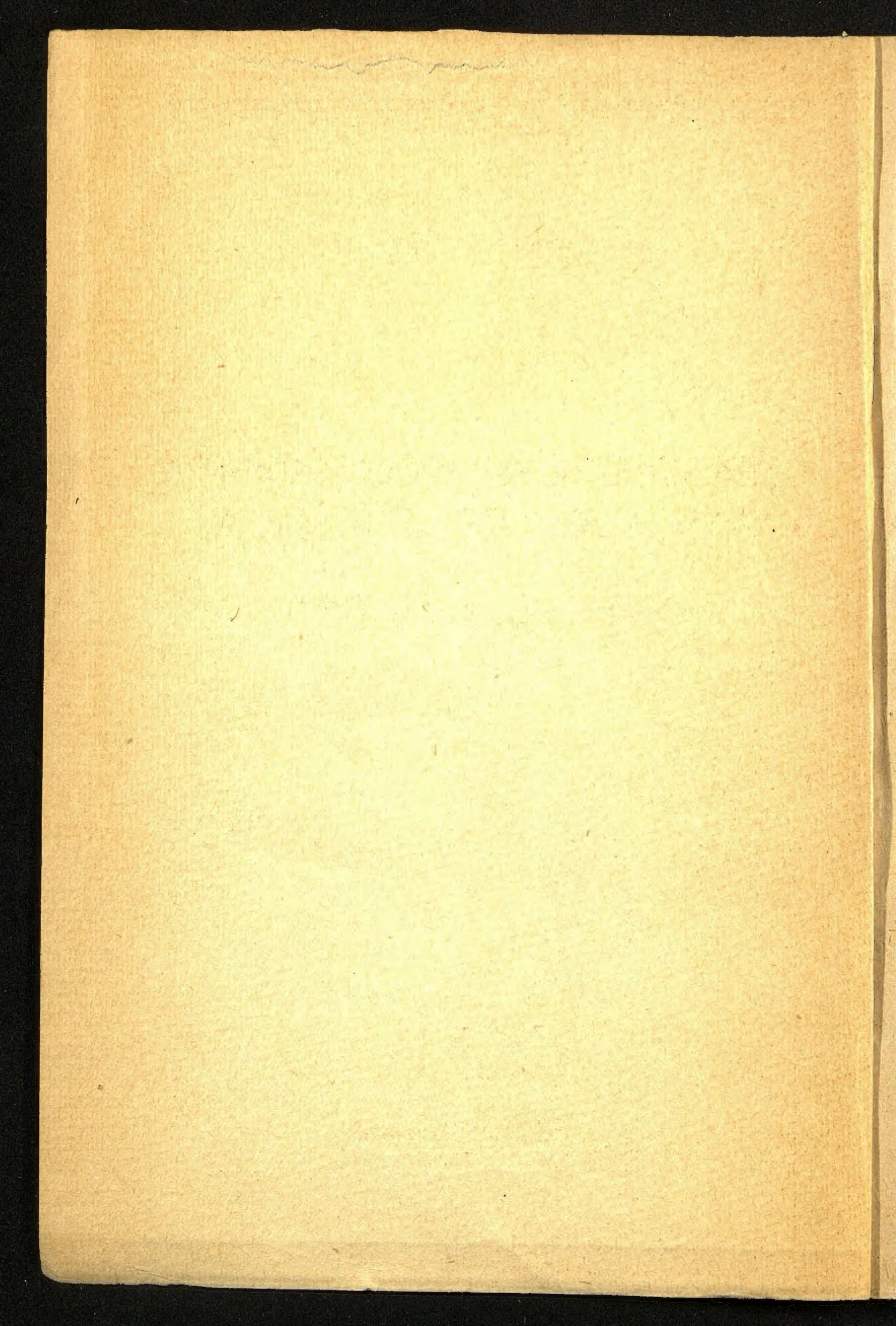
I.

М. КОРНЕЕВА-ПЕТРУЛАН

ДИНАМИКА ЗВУКОВ И ФОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА

(ИЗ ЛЕКЦИЙ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПЕДФАКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА"
ВОРОНЕЖ 1930

КАФЕДРА ЯЗЫКОЗНАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

I.

М. КОРНЕЕВА-ПЕТРУЛАН

ДИНАМИКА ЗВУКОВ И ФОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА

(ИЗ ЛЕКЦИЙ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПЕДФАКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА“
ВОРОНЕЖ 1930

Обллит № 1283.
Тип. изд. „Коммуна“.
Заказ № 2371
Тираж 560 экз.

I.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО СТАТИКЕ.

А. Деления языка.

§ 1. Русским языком в современном употреблении этого слова называют тот язык, на котором говорит большинство населения РСФСР и который для большей части этого населения является языком родным [1]). Язык этот, как и язык каждого народа, не является однородным во всем своем обьеме, а распадается на отдельные группы в зависимости от имеющегося деления на группы говорящего на нем населения. Каждая отдельная группа населения может дать отдельную языковую группу, имеющую свои какие-нибудь особенности, но наибольшие языковые различия будут в тех группах, которые наиболее различаются между собою по признакам социального порядка (по признакам экономическим, политическим, культурным). Эти группы имеют наибольшие различия во всем укладе своей жизни, и они же имеют наибольшие языковые различия. Поэтому основные деления современного русского языка идут по делениям этих групп.

§ 2. Весь русский язык может в настоящее время быть разделен на две основные группы: 1) язык города и 2) язык

---

[1]) Так как большинство населения РСФСР составляют великоруссы, то понятия „русский“ и „великорусский“ являются синонимами, но русский язык может быть родным языком и не только для великоруссов. Как в РСФСР, так и в других республиках Союза имеется много не великоруссов, говорящих только по-русски (ср. украинцев, евреев и представителей других этнических групп, не знающих языка своей этнической группы и пользующихся русским языком как языком своей речи и мысли). Для этих лиц русский язык будет их родным языком, потому что родным языком каждого отдельного человека может быть назван тот язык, на котором этот человек привык думать.—Следует заметить, что в лингвистике термин „русский язык“ употребляется и в более широком понимании, именно как тот язык, который обьединял некогда языковые группы, давшие впоследствии отдельные языки—русский (великорусский), украинский и белорусский.

деревни [1]). Языки эти различаются между собою как лексическими особенностями, так и особенностями своих звуков и форм, при чем эти различия имеют не только частный, но и общий характер, т. е. они относятся не только к отдельным словам, звукам и формам, но и ко всей лексике, ко всем звукам и формам одного и другого языка. Частные различия между языком города и языком деревни заключаются в том, что в каждом из этих языков имеется ряд слов, звуков и форм, отсутствующий в другом языке; общие же различия между этими языками заключаются в том что язык города по сравнению с языком деревни имеет' 1) более однородный и более устойчивый состав звуков и: форм и 2) большую по обьему и более разнообразную по содержанию лексику [2]).

Большая однородность и устойчивость состава звуков и форм городского языка обьясняются тем, что язык этот пользуется не только устной, но и письменной речью, последняя же, фиксируя язык, способствует тем самым его большей нормировке. Лексическое богатство и разнообразие городского языка обьясняется большей культурностью и подвижностью городской жизни: в городе скорее изменяются старые понятия и приобретаются новые, а вместе с этим изменяются и приобретаются слова.

Дальнейшие подразделения обоих языков по имеющимся внутри каждого из них различиям идут в настоящее время отчасти по экономическим различиям населения, а отчасти по этническим. Язык города делится преимущественно по экономическим различиям своего населения и только отчасти по этническим, а язык деревни делится главным образом по этническим различиям и только отчасти по экономическим. Обьясняется это тем, что население городов более диференцировано в экономическом отношении и более однородно в этническом (этнические особенности горожан бы-

---

[1]) Язык деревни имеет в настоящее время и другое название—„народный язык". Последнее противополагается названьям: „литературный язык" „язык мещан", „язык верхов", которые применяются к отдельным группам городского языка.

[2]) Указанные частные различия между языком русского города и языком русской деревни будут для каждого другого языка, имеющего в своем составе языки города и деревни, различны, так как эти различия обусловлены теми же историческими причинами, какими обусловлены имеющиеся у разных народов различия в развитии производственных отношений вообще и в частности производственных отношений города и деревни; указанные же общие различия между языком русского города и языком русской деревни будут одинаковыми для всех языков, так как эти различия обусловлены общими для всех народов условиями развития производственных отношений города и деревни.

стрее стираются благодаря их большей территориальной подвижности и большей подвижности всей городской жизни вообще, население же деревень более диференцировано в этническом отношении (этническая „устойчивость“ населения деревень зависит от его малой территориальной подвижности и малой подвижности всей его жизни [1]). При таком политическом укладе социальной жизни, который обособляет отдельные этнические группы населения от других групп, резкие этнические различия могут быть и среди горожан (примером могут служить прежние европейские гетто и черта оседлости в России), но для современного города такое обособление не является характерным.

По этническим различиям населения язык города может быть в настоящее время разделен на группы, представляющие языки отдельных городов, являющихся центрами экономической, политической и культурной жизни отдельных районов, различающихся по этническим признакам своего основного населения: язык Москвы, язык Ленинграда, язык Воронежа и пр. и пр.

По социальным различиям населения язык города можно в настоящее время разделить на группы: 1) язык рабочих, 2) язык служащих и 3) язык „прочих“. Каждая из этих групп может быть разделена на различные подгруппы: язык квалифицированных рабочих, язык неквалифицированных рабочих, язык крупных служащих, язык мелких служащих и пр.; среди группы „прочих“ можно различить; язык нэпманов, язык „бывших“ и пр. и пр.

Язык русской деревни по основным языковым различиям говорящего на нем населения делится в настоящее время на две большие группы: 1) северно-великорусский язык и 2) южно-великорусский язык. Каждая из этих групп имеет свои подгруппы. В северно-великорусском языке различаются пять подгрупп: северная, северо-западная, западная, восточная и юго-восточная; в южно-великорусском различаются три подгруппы: северо-западная, восточная и южная. [2]) Кроме того, различаются еще подгруппы так называемых переходных и смешанных говоров, принадлежащих по основным своим чертам к какой-нибудь одной из основных групп (т. е. или к северно-великорусской или к

[1]) При всеобщей коллективизации и индустриализации сельского хозяйства разобщенность и неподвижность населения деревни должны отпасть, вместе с этим отпадет и деление языка на язык города и деревни—оба эти языка тогда сблизятся.

[2]) Даваемые здесь подразделения основаны на диалектологической карте русского языка (см. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков.—Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М. 1915).

южно-великорусской) и имеющих в то же время отдельные черты, характерные для другой группы.

По социальным различиям говорящего населения в языке деревни можно в настоящее время различать: язык кулаков и язык не кулаков [1]). Отдельной нарождающейся языковой группой является также и язык колхозников.

Намеченные группы обоих языков (языка города и языка деревни) не исчерпывают всех делений, возможных в пределах этих языков. Каждая группа населения, имеющая свои особенные интересы, обособленные от интересов других групп, будет иметь и свой особенный язык, относящийся непосредственно к этим интересам. Можно поэтому говорить о языке учащихся, языке беспризорных, языке нищих и пр. и пр. Кроме того, отдельные группы каждого языка могут иметь ряд постепенных, соединяющих их переходных стадий, которые также могут рассматриваться как отдельные языки. Так, например, язык рабочего, недавно живущего в городе и не усвоившего вполне городского языка, будет отличаться и от языка деревни и от языка города, и его можно рассматривать как отдельный язык, представляющий переход от языка деревни к языку города.

§ 3. Языковые различия, имеющиеся в разных группах одного языка, могут относиться или ко всем сторонам языка: к его фонетике, формам и лексике, или только к отдельным его сторонам. Кроме того, эти различия могут захватывать или незначительную часть каких-нибудь языковых особенностей данной группы, или более значительную их часть. Обыкновенно крупные подразделения языковых групп захватывают более значительную часть различий, мелкие же подразделения захватывают менее значительную часть. Так, например, различия между языком города и языком деревни захватывают значительную часть фонетических, формальных и лексических особенностей этих языков, а различия между языками хотя бы разных категорий, так называемых, служащих сводятся большей частью к лексическим различиям (впрочем, язык „технических“ служащих часто отличается от языка других категорий служащих и своими звуковыми и формальными особенностями, так как среди этой группы имеется много лиц, недавно покинувших деревню). Однако различия, имеющиеся в каждой группе, не захватывают всех языковых особенностей группы, и в каждой группе всегда остается какая-то часть

---

[1]) Следует отметить, что по наблюдениям отдельных работников кафедры языкознания ВГУ в языке кулаков в настоящее время наблюдаются и такие черты, как нарочитое коверкание слов, выражающих новые понятия: касамолец, лыцинер и пр.

языковых особенностей, общая этой группе и другим группам данного языка. Если между группами не будет такой общей им всем части, то они будут не группами одного языка, а отдельными языками.

Обьем этой связывающей все группы одного языка части определяется для каждой группы ее соотношением с другими группами: группы близкие друг к другу имеют большее количество одинаковых языковых особенностей, группы отдаленные имеют их меньшее количество (ср. например, язык крупных служащих с языком мелких служащих и этот же язык—с языком какой-нибудь деревни). Но даже самые отдаленные друг от друга группы одного языка всегда имеют какое-то количество одинаковых языковых особенностей, дающее возможность представителям этих групп понимать друг друга, или если не понимать, то хотя бы признавать, что они говорят на одном языке. Так, например, неграмотный русский крестьянин не поймет фразы ученого русского филолога: „Синтез его совершается не актом интуиции имманентных ему норм, воплощение которых составляло предел художественных замыслов творца, а путем реализации в его искривленно преломленной тени посторонних эстетических тенденций“ (из книги *В. В. Виноградова* „Эволюция русского натурализма“), но он поймет, что она произнесена на русском языке. Из 27 слов этой фразы ему будет понятно не больше 11-12 (*его*, *ему*, *не*, *а*, *которых*, *составляло* и пр., т. е. слова, являющиеся словами обиходной речи); но кроме этих слов, ему будут понятны в ней еще и отдельные формы отдельных слов и сочетаний слов. Так, слова „имманентных“, „художественных“, „эстетических“ он воспримет благодаря имеющемуся у этих слов окончанию *ых* (*их*) как слова, обозначающие 1) качество каких-то предметов, 2) множественность этих предметов и 3) зависимость этих предметов еще от чего-то,—т. е. воспримет эти слова с теми формальными значениями, какие в них имеются, хотя лексическое значение этих слов ему будет непонятно. Точно также он, не поняв лексического значения слова „актом“ (или поняв его в другом смысле, именно, как синоним слова „документ“—в этом смысле слово „акт“ употребляется и в речи крестьян), все же поймет, что это слово представляет название чего-то такого, посредством чего что-то делается, т. е. поймет его именно в значении творительного падежа единственного числа. То же будет и с отдельными сочетаниями слов. Не понимая лексического значения слов, он поймет те их соотношения, которые выражены средствами, имеющимися и в его собственном язык,

например, в сочетании „синтез его совершается“ он поймет, что „совершается“ относится к синтез“, а „его“—к какому-то другому слову.

Языковые особенности, одинаковые для наиболее отстоящих друг от друга групп одного языка, будут, очевидно, одинаковыми и для всех его групп, и потому их можно рассматривать, как нечто общее для всего данного языка. Лингвистика, говоря об особенностях, свойственных языку какого-нибудь народа в целом, обыкновенно и имеет в виду те особенности данного языка, которые являются общими для всех его групп.

По фонетическим и морфологическим особенностям в современном русском языке наиболее различаются между собою три группы: 1—литературный язык, 2—северновеликорусский народный язык и 3—южновеликорусский народный язык. Последние две группы надо, конечно, брать в их основных говорах, а не в тех отдельных говорах, которые представляют соединение особенностей обеих групп.

Черты указанных трех групп языка определяют как общий звуковой и формальный строй всего русского языка, так и те звуковые и формальные различия, какие в нем имеются.

Б. Звуки и формы отдельных слов русского языка.

§ 4. В области вокализма общим для всех трех групп русского языка являются: 1) наличность определенных звуков и 2) соответствие отдельных звуков.

Общими для всех трех групп являются звуки: нижнего подьема—*а*, среднего—*о*, *е*, верхнего—*и*, *ы*, *у*. Из них *а*, *о*, *у* представляют звуки разных рядов, *ы* среднего и отчасти задне-среднего ряда, *е*, *и*, переднего ряда:

Нижний подьем	разные ряды—*а* (сад, взял, взять),
средний подьем	разные ряды—*о* (дом, телка, тетя), передний ряд—*е* (небо, день);
верхний подьем	передний ряд—*и* (сила, край), средний и отчасти задне-средний ряд—*ы* (пыль, бык, столы), разные ряды—*у* (лук, любишь, делают).

Звуки *о* и *у* во всех их разновидностях являются звуками лабиализованными, остальные звуки нелабиализованные.

Из всех этих звуков звуки *ы*, *и* под ударением, *а* под ударением в положении после твердых, при том не шипящих согласных и *у* как в ударяемом, так и в неударяемом

положениях в каждой группе соответствуют таким же звукам других двух групп, остальные же звуки могут иметь в разных группах разные соответствия. Следовательно, в таких словах, как *дым, пить, рука,* и пр., гласные звуки будут для всех групп русского языка одинаковыми (как увидим ниже, согласные, имеющиеся в этих словах, будут также одинаковыми для всех групп).

К общим же особенностям следует отнести имеющееся во всех группах различное по силе произношение гласных, как слогообразующих элементов слова. Именно, слоги, находящиеся под ударением, произносятся во всем языке с большей силой, нежели безударные слоги, а из безударных наибольшим по силе является первый предударный. Вследствие этого в слогах безударных (но не первых предударных) могут являться гласные неполного образования.

§ 5. Различия в области вокализма в рассматриваемых группах русского языка объединяют в большей своей части литературный и южно-великорусский языки, противопоставляя их северно-великорусскому. Основные различия между ними относятся к неударным слогам. В литературном и южно-великорусском языках в неударных слогах совпадают в одном звуке после твердых согласных звуки *а* и *о*, после мягких согласных—звуки *а* и *е*. Качество звуков, представляющих совпадаемые звуки, в литературном языке и разных говорах южно-великорусского языка неодинаково. В литературном языке и части говоров южно-великорусского языка *а* и *о* в первом предударном слоге совпадают в звуке *а*, а *а* и *е* совпадают или в звуке *и* или в звуке *е* закрытом, в другой же части южно-великорусских говоров *а* и *о* в первом предударном слоге совпадают или в звуке среднем между *а* и *о*, или в звуке среднем между *а* и *ы*, или в звуке *ы*, а *а* и *е* совпадают или в звуке *и*, или в звуке *е*, или в звуке *а*. В других неударных слогах в литературном языке и части говоров южно-великорусского языка *а* и *о* совпадают в звуке неполного образования среднего ряда среднего подьема, а *а* и *е* в таком же звуке переднесреднего ряда, в другой же части южно великорусских говоров как *а* и *о*, так и *а* и *е* совпадают в звуке *а*.

Кроме этого основного различия, имеется еще ряд различий, обьединяющих, с одной стороны, литературный и южно-великорусский языки, с другой стороны, разные говоры северно-великорусского и южно-великорусского языков. Среди этих различий можно отметить, как наиболее крупные, следующие: 1) во всех группах русского языка имеется ряд случаев с чередованием *е* и *о* пред следующим твердым согласным, но в литературном и южно-великорус-

ском это *о* встречается только под ударением, а в северно-великорусском оно может быть и не под ударением: литературный и южно-великорусский—*весна-вёсны*, *село-сёла, вела—вёл*, северно-великорусский—*вёсны* и *вёсна*, *сёла* и *сёло*, *ёму* и пр.; 2) в литературном языке, большей части говоров южно-великорусского и некоторой части говоров северно-великорусского языка имеется ряд случаев, где в корнях и в отдельных формах слов будет всегда *е* (*е* из прежнего ять), в значительной части говоров северно-великорусского языка и в некоторой части говоров южно-великорусского в этих случаях может быть или *и* или *ие*; 3) в литературном языке и в значительной части говоров южно-великорусского и северно-великорусского языков всякое ударяемое *о* произносится как *о*, в части же говоров северно-великорусского и южно-великорусского языков есть ряд случаев, где ударяемое *о* произносится как очень закрытое *о* или как дифтонг *уо*; 4) в литературном языке и в большинстве говоров обоих народных языков имеется ряд случаев, где встречается ударяемое *о* в сочетании с последующим йотом: слепой, молодой, крой, мой, в части же говоров как северно-великорусского, так и южно-великорусского языка встречаются в отдельных случаях или сочетание *ей*, при чем согласный пред *е* не является мягким: слепэй, молодэй, или сочетание *ый*: крый, мый; 5) в отдельных говорах обоих народных языков встречается иногда в соответствии с *в* или *ф* литературного языка слоговое и неслоговое *у*: унук, деука, кроу.

§ 6. В области консонантизма общим для всех групп русского языка являются: 1) наличность определенных звуков, 2) соответствие отдельных звуков, 3) особенности произношения отдельных звуков.

1) во всех группах языка имеются следующие звуки:

губные — а) сонорные—*м*,
б) звонкие—*б*, *в*,
в) глухие—*п*, *ф*;
зубные — а) сонорные—*р*, *л*, *н*,
б) звонкие—*д*, *з*, *ж*,
в) глухие—*т*, *с*, *ш*,
зубные аффрикаты—глухие—*ч*, *ц*;
средне и задненебные а) звонкие—*г*, γ, j (последний звук только средненебный) [1])
б) глухие,—*к*, *х*.

[1]) Звук γ не имеет в русском письменном языке знака для своего обозначения; звук j в сочетании с гласными *а* и *у* обозначается знаками *я* и *ю*, а в других положениях не обозначается.

2) Все согласные звуки русского языка, кроме звуков *г*, γ и в отдельных говорах *в* и *л* в положении после гласной, *в* в начале слова, а также *ч* и *ц*, во всех группах языка соответствуют обычно друг другу, т. е. звуки *б*, *в*, *д*, и пр. одной группы соответствуют таким же звукам других двух групп.

3) Отдельными особенностями согласных, свойственными всем группам языка, являются: а) все согласные, кроме аффрикат, могут быть и долгими, и краткими; б) все согласные, кроме недолгих шипящих и *ц*, могут быть и твердыми, и мягкими; в) *ц* и каждый из недолгих шипящих в отдельности могут быть или только твердыми или только мягкими; г) все согласные, кроме шипящих и *ц*, перед *е* и *и* всегда мягки, шипящие же и *ц* остаются одинаковыми: твердыми, если они тверды, мягкими, если мягки; д) все звонкие согласные в конце слов теряют свою звонкость и переходят в соответствующие глухие; е) в сочетаниях согласных с согласными звонкие согласные перед глухими переходят в глухие и наоборот.

§ 7. Различия между отдельными группами языка в области консонантизма сводятся к особенностям произношения отдельных звуков и несоответствиям отдельных звуков, причем особенности произношения отдельных звуков могут относиться к тем или другим звукам во всех их положениях или только в определенных.

В противоположность вокализму, отдельные особенности которого обьединяют литературный и южно-великорус ский языки, особенности консонантизма обьединяют языки литературный и северно-великорусский.

Из различий, захватывающих все говоры или более крупные их группы, можно отметить: 1) в литературном и северно-великорусском языках звук *г* представляет обычно взрывный звук и только в немногих отдельных словах и отдельных положениях он длительный, а в южно-великорусском он длительный обычно; 2) в литературном языке и большей части говоров северно-великорусских в окончании родительного падежа, единственного числа, мужеского и среднего родов местоименного склонения имеется звук *в* (ср.-литературное *каво*, *худова* и пр.), в южно-великорусском же в этом окончании имеется γ; в меньшей части северновеликорусских говоров здесь имеется или γ или отсутствие всякого согласного—*коо*, *худоо* и пр.; 3) в литературном и северно-великорусском языках *т* в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа глаголов является всегда твердым (только в некоторых говорах Заонежья встречается *т* мягкое в 3-м лице множественного

числа глаголов 1-го спряжения—*играють, поють,* но *стучат, кричат*), в южно-великорусском же *т* в этих окончаниях является всегда мягким—*он ходить, они поють* и пр.; 4) в литературном и северно-великорусском конечное *г* переходит в *к*, а в южно-великорусском в *х*—литературное и северно-великорусское *друк, сапок,* южно-великорусское *друх, сапох*; 5) в литературном языке, большей части северно-великорусских говоров и меньшей части южно-великорусских (говоры восточной группы и некоторые говоры северо-западной группы) конечное *в* переходит в *ф* (крофь, любофь), в большей же части южно-великорусских говоров и в меньшей части северно-великорусских оно переходит в *у* неслоговое (кроу, любоу); 6) в литературном языке, большей части северно-великорусских говоров и во всем южно-великорусском языке *ж, ш* недолгие и *ц* являются обычно твердыми звуками, а *ч* мягким, в небольшой же части северно-великорусских говоров (говоры Псковской и Калужской губ.) встречаются *ж* и *ш* мягкие, и в значительной части северно-великорусских же говоров встречается мягкое *ц*; 7) в литературном языке долгие *ж, ш* являются обыкновенно мягкими, и только в отдельных случаях они тверды, в обоих же народных языках они различаются по говорам: имеются или долгие мягкие, или долгие твердые, или мягкие сочетания *ждж, шт, шч*; 8) в некоторых северно-великорусских говорах встречаются особенности употребления звуков *ц* и *ч*: звуки эти или совпадают в каком-нибудь одном из них, или смешиваются, или совпадают в звуке среднем между ними, в литературном и южно-великорусском языках таких особенностей нет; 9) в некоторых народных говорах в соответствии со звуком *ф* в положении пред гласной литературного языка имеется *х* или *хв*: хунт и хвакт.

§ 8. Из особенностей вокализма и консонантизма, свойственных всем группам русскаго языка в целом и отдельным его группам порознь, уже могут быть выведены некоторые имеющиеся в языке чередования звуков. Так, произношение в литературном и южно-великорусском языках всякого предударного *о* как *а* дает чередование *о—а*: водный—вада, ноги—нага и пр. Произношение во всех группах языка в ряде случаев ударного *е* в положении пред твердым согласным как *о* дает ряд *неударное е—ударное о*: слеза—слёзы, вела—вёл, метла—мётлы и проч. Произношение в конце слов и пред глухими звонких согласных как глухих дает ряд *звонкий согласный—глухой согласный*: хлеба—хлеп, града—грат, лавок—лафка, ножек—ношка и пр. Однако, помимо чередований, обусловленных современны-

ми особенностями его вокализма и консонантизма, в русском языке имеются еще чередования, находящиеся вне этой обусловленности. Часть этих чередований является общей всем группам языка, часть же свойственна только его отдельным группам. Общими для всех групп языка являются такие чередования:

о, е—нуль:	сон—сна, платок—платка, день—дня, платочек—платочка;
д—ж :	ходить—хожу, бродить—брожу;
т—ч :	вертеть—верчу, светить—свечу;
ск, ст—щ, шч :	искать—ищу, навестить—навещу, (ишшу—ишчу), (навешшу—навешчу);
губные—губн.+л:	купить—куплю, рубить—рублю, графить—графлю, ловить—ловлю, ломить—ломлю;
задненебн.—шипящ.:	нога—ножка, рука—ручка, ухо—уши;
свистящ.—шипящ;	косить—кошу, лизать—лижу, отец—отеческий.

§ 9. Различия в чередовании отдельных звуков и их сочетаний, имеющиеся в группах русского языка, вне зависимости от особенностей их современного вокализма и консонантизма противопоставляют литературный язык северно-великорусскому и южно-великорусскому языкам. Именно, в литературном языке имеются в ряде случаев чередования, не встречающиеся, или встречающиеся изредка, в других двух группах. К таким чередованиям относятся:

д—жд :	водить—вождь, одеть—одежда, судить—осуждение, оградить—ограждение;
ш—щ :	свет—освещение, посетить—посещение, насытить—насыщенный, насыщение.

Кроме того, в литературном языке в ряде случаев имеются чередования сочетаний *ра, ла, ре* и *оро, оло, ере*: краткий—короткий, хладобойня—холодильник, непрерывка—перерыв и проч. Во многих случаях слова с этими сочетаниями представляют дублеты, имеющие в настоящее время разное значение, и потому являются разными словами: гражданин—горожанин, власть—волость, молочный—млечный (путь), вред—веред и т. п.

§ 10. В области форм отдельных слов, как и в области звуков, во всех группах русского языка имеются, с одной стороны, черты, общие всем группам, с другой стороны—черты, принадлежащие только отдельным группам.

Общими для всех групп русского языка являются формы, указывающие 1) количество высказываемых понятий (форма числа), 2) отношение одних понятий к другим (форма падежа), 3) одушевленность или неодушевленность предметов речи (форма одушевленных и неодушевленных предметов), 4) время высказываемого (форма времени), 5) оттенки совершения выражаемого действия (форма вида), 6) участников речи (форма лица), 7) отношение говорящего к высказываемому им действию или состоянию (форма наклонения), 8) отношение между действием речи и ее действующим лицом (форма залога).

Кроме этих форм, во всех группах языка имеется еще форма, представляющая деление всех предметов речи на три группы по признакам чисто грамматического порядка (форма рода).

Во всех также группах языка имеется форма, представляющая обращение говорящего к слушающему, так называемая звательная форма. В противоположность остальным формам, являющимся по своему употреблению обычными в языке, звательная форма не имеет большого распространения в языке.

Каждая из этих форм выражается в языке различными изменениями, и по этим изменениям различаются группы слов: слова, имеющие формы числа, падежа, одушевленности и неодушевленности—существительные; слова, имеющие формы числа, рода, падежа, одушевленности и неодушевленности—прилагательные; слова, имеющие формы числа, времени, вида, лица, наклонения, залога—глаголы. Существительные же имеют и звательные формы.

Формы числа выражают единственность и множественность понятий: стол—столы, рука—руки. Слова обозначающие количество, представляют некоторое разнообразие в своем употреблении: а) слова, обозначающие одно понятие или два, имеют формы рода—один глаз, одна рука, одно ухо, два глаза, две руки, обозначающие же большие количества не имеют этой формы—три, четыре глаза, руки и проч.; б) при соединении количественных слов *два, три, четыре* с перечисляемыми ими понятиями, эти последние имеют одну форму падежа, а при соединении с количественными словами, обозначающими большие количества, другую—два, три, четыре глаза, руки, но пять, шесть глаз, рук.

Формы падежей представляют 6 изменений—именительный, винительный, родительный и проч. падежи. По окончаниям этих изменений, или, по техническому выражению по склонениям, все слова имеющие эти изменения, или

склоняемые слова, укладываются в четыре группы: 1) склонение существительных в единственном числе, 2) склонение существительных во множественном числе, 3) склонение прилагательных в единственном числе и 4) склонение прилагательных во множественном числе. В каждой из этих групп можно наметить еще различные подразделения.

Существительные в единственном числе по их склонениям можно уложить в четыре группы: 1) существительные, представляющие в именительном падеже основу с конечным согласным (твердым или мягким) или *й*, а также оканчивающиеся в этом же падеже на *о*, *е* и имеющие в родительном окончание *а* (*я*)—стол-стола, конь-коня, меч-меча, край-края, сено-сена, поле-поля; 2) существительные, представляющие в именительном падеже основу на мягкие согласные или шипящие, имеющие в родительном окончание *и*—кость-кости, ночь-ночи, рожь-ржи; 3) существительные, оканчивающеся в именительном падеже на *а*, в родительном на *ы* и *и*: сестра-сестры, воевода-воеводы, земля-земли; 4) группы отдельных существительных, имеющих разное окончание: а) время-времени, племя-племени (10 слов), б) мать-матери, дочь-дочери (2 слова), в) дитя-дитяти, (1 слово), г) я-меня, ты-тебя, себя (3 слова), д) кто-кого, что-чего (2 слова), е) три-трех, четыре-четырех (2 слова), ж) сорок-сорока, девяносто-девяноста, сто-ста (3 слова). Некоторые слова отдельных групп представляют по своим окончаниям разнообразие: в словах первой группы имеются слова, у которых в родительном и предложном возможны двойные окончания: нет сыра, нет сыру, на береге, на берегу; к словам второй группы принадлежит слово *путь*, имеющее в творительном падеже другое окончание, нежели все остальные слова этой группы—*костью*, но *путем*.

Существительные во множественном числе имеют разные окончания только в именительном, винительном и родительном падежах, в остальных же падежах—дательном, творительном и предложном, они имеют одинаковые окончания—в дательном *ам* (*ям*): столам, сестрам, временам, лошадям, в творительном *ами (ями)*, *ми*: столами, сестрами, временами, лошадьми, в предложном *ах (ях)*: столах, сестрах, временах, лошадях. В именительном-винительном падежах они имеют окончания *ы, и, а* (*я*), *е*: столы, земли, города, горожане; в родительном падеже окончания *ов*, *ев*, *ей*, или окончания нет, и слова являются в своей основе: столов, стульев, полей, рук.

По окончаниям падежей, имеющих разные окончания, и по степени употребления этих окончаний существительные во множественном числе могут быть разделены на три

группы: 1) существительные, не имеющие в именительном-винительном окончаний *а* и *е*, а в родительном окончаний *ов*, *ей*, 2) существительные, не имеющие в именительном-винительном окончаний *ы*, *е* и только в немногих случаях имеющие окончание *и*, а в родительном падеже имеющие только в единичных случаях окончания *ов*, *ев*, 3) существительные, имеющие все указанные окончания. К первой группе принадлежат существительные женского рода, ко второй—среднего, к третьей—мужеского.

Прилагательные по своим окончаниям представляют некоторые, общие для всех групп языка особенности,—именно, они имеют так называемые полные и краткие окончания. Кроме того, среди них, как и среди существительных, имеется особая группа так называемых местоименных прилагательных. Все эти группы различаются своими склонениями, почему и можно разбить все прилагательные по их склонениям на три группы: 1) склонение прилагательных полных, 2) склонение прилагательных кратких и 3) склонение прилагательных местоименных. В единственном числе в каждой из этих групп могут быть еще подгруппы: 1) склонение мужеского и среднего родов и 2) склонение женского рода. Во множественном числе прилагательные изменений по родам не имеют.

Форма одушевленных и неодушевленных предметов речи имеется у существительных и прилагательных мужеского рода единственного числа и у всех существительных и прилагательных множественного числа. Выражается эта форма тем, что существительные имеющие ее, при обозначении ими живых предметов имеют винительный падеж сходным с родительным, а при обозначении неживых предметов имеют винительный падеж сходным с именительным: вижу брата, братьев, сестер, животных.

Формы времени выражают три отрезка времени: настоящее, прошедшее, будущее. Будущее может быть простым и сложным—*буду читать, прочту*, но никаких различий по отношению к обозначаемому времени, эти формы не имеют. Глаголы, обозначающие настоящее время, имеют изменения по лицам, те же изменения имеют и глаголы, обозначающие будущее время; глаголы, обозначающие прошедшее время, изменений по лицам не имеют, но они имеют изменения по родам, которых не имеют глаголы, обозначающие настоящее и будущее время. Обозначения всех трех времен могут быть как в единственном числе, так и во множественном.

Формы вида обозначают по преимуществу незаконченность и законченность действия—несовершенный и совершен-

ный вид—читать, прочитать, но в некоторых образованиях имеются обозначения и других оттенков совершения действия, именно, его кратности—однократности и многократности: умолкнуть, помалкивать. Глаголы совершенного вида (к ним могут быть отнесены и глаголы однократного вида) не имеют настоящего времени и будущее время имеют простое, глаголы же несовершенного вида (сюда относятся и глаголы многократного вида) имеют настоящее время и будущее имеют простое. Как общее правило, глаголы и глагольные слова имеют как совершенный, так и несовершенный вид, и только в редких случаях имеются или один совершенный или один несовершенный: приплясывать, присвистывать, распевать, разгуливать (нет совершенного вида), хлынуть, грянуть (нет несовершенного вида).

Формы лица обозначают участников речи. Различаются три участника: говорящий, так называемое 1-е лицо речи, слушающий—2-е лицо речи, и тот, о котором идет речь,—3-е лицо речи. Каждое из этих лиц может быть как в единственном, так и во множественном числе. Первые два лица, обозначающие активных участников речи, и 3-е лицо, обозначающее пассивного участника речи, различаются в языке: для обозначения первых двух лиц в языке имеются специальные слова, так называемые личные существительные—я, ты, а для обозначения третьего лица таких специальных слов нет, и это лицо может быть обозначено каждым словом, употребленным как название. Когда в речи не имеется названия 3-го лица, а есть только указание на него, то это указание обозначается разными словами, обозначающими обыкновенно и род этого лица—он, она, оно, тот, та, то, этот, эта, это. Наиболее употребительным является в этом случае слово *он* и его родовые изменения.

Формы наклонения выражают три вида отношения говорящего к высказываемому им действию или состоянию: говорящий или просто констатирует факт самого действия—читаю, читал, прочту (изъявительное наклонение), или указывает, что действие возможно как предполагаемое—читал бы, прочитал бы (условное наклонение), или указывает, что действие должно совершиться—читай, прочти (повелительное наклонение). Последнее обозначение (повелительное наклонение) имеет два оттенка: 1) говорящий *желает*, чтобы действие совершалось, и 2) говорящий *не желает*, чтобы действие совершалось. Второй оттенок образуется из повелительного наклонения глаголов совершенного вида путем присоединения к нему отрицательной части *не*: не прочти, не наколись. Изъявительное наклонение может быть в формах всех имеющихся в языке лиц, времен и чисел. Условное

наклонение имеет только одну форму—форму прошедшего времени. Следовательно, по лицам оно не изменяется, а имеет изменения по родам и числам, как и прошедшее время. Приметой условного наклонения является частица *бы*. Повелительное наклонение имеет только 3 формы: 2-е лицо единственного и множественного чисел и 1-е лицо множественного числа: читай, читайте, прочтем.

Формы залога, обозначающие отношение действия речи к ее действующему лицу и представляющие глагольные формы, имеются в языке в двух видах: с прибавлением частицы *ся* и без нее. Частица ставится в конце слова и никогда от него не отделяется Формы залога имеются не во всех глаголах. В одних глаголах не имеется соотносительных форм с частицей *ся*: ходить, страдать, играть; в других не имеется соотносительных форм без частицы: смеяться, расстаться, бояться. Залоговые значения представляют или возвратность действия: действие переходит на действующее лицо (мыться, волноваться), или его взаимность: действие частью относиться к действующему лицу, а частью к другим лицам или предметам (знакомиться, ссориться, встречаться), или пассивность действующего лица: действие переходит на действующее лицо посредством другого лица (деньги расходуются, дом строится, платье моется), или его неразрывность с действием: действие представляется присущим действующему лицу (плакаться, краситься); или наконец, его неопределенность: действие происходит без действующего лица (снится, варится, хочется).

По формам рода все слова, имеющие эти формы, делятся на три группы: 1) слова, принадлежащие к мужескому роду, 2) слова, принадлежащие к женскому роду, и 3) слова, принадлежащие к среднему роду. Прилагательные и глаголы в прошедшем времени имеют все три рода, существительные имеют один какой-нибудь род.

§ 11. Морфологические особенности, свойственные только отдельным группам языка, противопоставляют главным образом литературный язык обоим *народным* языкам. По своему характеру эти особенности представляют или наличность отдельных форм в одних группах языка и отсутствие их в других, или степень употребления одних и тех же форм в разных группах, или различие окончаний одних и тех же форм в разных группах. Так, в литературном языке имеется ряд прилагательных, содержащих формы времени, залога и вида: читающий, читавший, читаемый, читанный, прочитанный (так называемые причастия). В обоих *народных* языках таких прилагательных нет. В литературном

языке глагольные наречия (деепричастия) с окончанием *чи* единичны (будучи, крадучись, припеваючи), в народных языках деепричастия с этим окончанием распространены. В литературном языке 2-е лицо множественного числа часто употребляется по отношению к одному лицу (так называемая форма вежливости), в народных языках такая форма мало употребительна. В литературном языке нет форм 3-го лица глаголов без окончания *т*, в народных говорах такие формы имеются: иде, несе, веде, говоря. В литературном языке нет форм стяженных: знат—знает, делат—делает и пр., в народных говорах такие формы имеются. В литературном языке дательный и предложный множественного числа имеют обычно у всех имен окончание *ам*, *ах*, в народных языках встречаются также в этих падежах и окончания *ом*, *ох*: костем, гостем, костех, гостех. В литературном языке звательные формы имеются только в отдельных словах и выражениях: „господи“, „боже“, „врачу, исцелися сам“, в народных языках звательные формы встречаются чаще и имеют свои, несвойственные литературному языку, выражения: батюшко, Ванько, бать, мам, Маш (Маша) и пр.

Другими особенностями литературный язык сходится, с одной стороны, с северно-великорусским, с другой стороны, с южно-великорусским. Из наиболее крупных особенностей этого рода можно отметить: 1) формы родительного падежа единственного числа местоимений личных и возвратного: в литературном и северно-великорусском здесь будет *меня*, *тебя*, *себя*, в южно-великорусском—*мене*, *тебе*, *себе*; 2) форму дательного-предложного местоимения личного 1-го лица: в литературном и части северно-великорусского говоров здесь будет *мне*, в южно-великорусском и другой части северно-великорусского говоров—*мене;* 3) в литературном и северно-великорусском окончание творительного падежа числительных *два*, *три*, *четыре*, будет *мя*: двумя, тремя, четырьмя, в южно-великорусском—окончание ми: двуми, треми, четырьми; но от других имен в северно-великорусских говорах имеются формы творительного падежа не только с окончанием *ми*, но и с окончаниями *м*, *мы*, *ма*: с рукам, с рукамы, с рукама; в литературном и южно-великорусском таких форм нет.

Особо следует отметить имеющееся в говорах южно-великорусского языка смешение женского и среднего родов: моя молоко, моя полотенце, моя платье, мое фамилья (и мое фамилье). Как общее правило, женский род вместо среднего встречается чаще, нежели средний вместо женского.

II.

РУССКИЙ ЯЗЫК ЭПОХИ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

А. Изучение языка древнего периода.

§ 1. Древний период русского языка восстанавливается на основании общеисторических данных и данных лингвистики. Лингвистические данные извлекаются: 1) из памятников русской письменности, 2) из фактов живого русского языка и 3) из сопоставления русского языка с родственными ему языками. Из последних наибольшее значение имеют языки белорусский и украинский, как такие языки, носители которых, как показывают лингвистические и исторические данные, уже в историческое время были связаны с носителями русского языка продолжительной общностью социальных переживаний.

§ 2. Русский язык эпохи древнейших памятников его письменности должен был, как и каждый живой язык, делиться на группы в зависимости от деления на группы пользовавшегося им населения, население же это было достаточно диференцировано как этнически, так и экономически. По этническим признакам население древней Руси делилось на ряд племен: словене, полочане, кривичи, вятичи, дреговичи, радимичи, древляне, северяне, поляне, уличи, тиверцы. По социальным признакам в нем различались: земледельцы и промысловые люди, торговые люди, дружинники, духовенство. Среди этих групп выделялись, с одной стороны, князья и верхние слои дружинников, торговых людей и духовенства, с другой стороны, тяглое население. В каждой из групп были, конечно, свои подразделения, отражавшие с какой-нибудь стороны социальный облик группы и обособлявшие ее от других групп, равно как между всеми основными группами были промежуточные группы. Все эти группы должны были различаться по языку, но в то же время в каждой из них должны были существовать и такие языковые особенности, которые, являясь общими для всех групп, обьединяли их в одно целое.

Языки этих отдельных групп населения древней Руси благодаря отсутствию достаточных данных не могут быть в настоящее время восстановлены с надлежащей полнотой, однако отдельные языковые черты отдельных групп и черты, общие всем группам, можно установить, так как они нашли свое отражение в дошедших до нас памятниках письменности.

§ 3. Древнейшие памятники русской письменности дошли до нас, начиная с XI в. Конечно, памятники эти не являются *первыми* памятниками русской письменности. Исторические сведения показывают, что уже в более раннее время на Руси имелись такие условия жизни, которые требовали применения письменного языка. Так, еще от первой половины X века до нас дошли договоры русских с греками (договор Олега 912 г. и договор Игоря 945 г.), касающиеся судебных, военных и торговых отношений между Русью и Грецией. Между прочим, в более раннем из этих договоров имеется пункт, в котором говорится о наследовании имущества, оставшегося в Греции после смерти русского, причем указывается, что если умерший сделал завещание („обряжение"), то имущество его должно достаться тому, „кому будет *писал* наследить имение") [1]). Были, следовательно, на Руси уже в начале X века связи с другими странами, требовавшие закрепления известных обязательств, была торговля, требовавшая закрепления известных отношений, была частная собственность, требовавшая закрепления права наследования. Все это не могло обойтись без письменного языка, и, значит, письменный язык был. Но до нас его ранние памятники не дошли.

Из дошедших до нас памятников наиболее ранним является Остромирово евангелие, написанное в 1056 г. для новгородского посадника *Остромира*. К XI же веку относятся еще приблизительно 20 памятников; из них меньшая часть имеет даты (изборники 1073 и 1076 г.г., Архангельское евангелие с листом 1092 г., Новгородские минеи 1095-1097 г.г.), большая же часть дат не имеет и датируется на основании палеографических и лингвистических данных (почему и можно говорить только о приблизительном их числе).

От XII века памятников русской письменности сохранилось свыше 30, от XIII века—свыше сорока, от XIV же, XV и позднейших веков сохранилось больше. Большая часть этих памятников, как и памятников XI века, не имеет дат.

Данные дошедших до нас памятников письменности, дополняемые и подкрепляемые данными современного рус-

---

1) „От работающих в Грецех Руси у христианского царя аще кто умрет, не урядив своего имения, к малым ближником в Русь да возвратит имение аще своих не имат; аще ли сотворит обряжение, да таковый возмет уряженое его, кому будет писал наследити имение да наследит е от взимаючих куплю руси, от различных стран ходящих в греки и удолжающих".

ского языка и языков белорусского и украинского, дают возможность установить некоторые диалектические группы древней Руси и выделить особенности ее литературного языка. Уже по памятникам XI века вполне отчетливо выделяются новгородская и киевская языковые группы; начиная со средины XII века выделяется группа галицко-волынская; с начала XIII века выделяется группа смоленско-полоцкая; с XIV выделяются псковская, московская и др. группы. Различия между литературным языком и народными языками прослеживается так же, начиная с первых памятников: уже в Остромировом евангелие имеется разница между языком всего текста и языком послесловия.

От времени первых дошедших до нас памятников русской письменности и можно проследить последовательное развитие русского языка.

Б. Звуки и формы отдельных слов русского языка XI—начала XII века.

§ 4. Русский язык в период XI—начала XII века имел следующие гласные звуки: нижнего подьема—*а*, среднего—*о*, ъ, (ер), *е*, *ь*, верхнего—*и*, *ы*, *у*. Кроме того, в нем был еще один звук—ě (ять), который, как можно думать на основании его дальнейшего развития, был звуком верхнего подьема.

Возможный для каждого гласного ряд может быть определен только для некоторых гласных, для других же его можно определить только приблизительно. Можно думать, что гласные *а* и *у*-представляли звуки разных рядов, так как знаки, обозначающие их, встречаются в положении как после твердых, так и после мягких согласных. Несомненно, был гласный *о*-заднего ряда, так как он имеется во всех позднейших группах русского языка. Возможно также, что был звук *о* среднего ряда, находившийся в положении после исконно мягких согласных: в дальнейшем развитии русского языка такое *о* встречается во всех его группах.

Близким к *о* должен был быть звук *ер*, перешедший в дальнейшем во всех группах русского языка в *о*. К переднему ряду должны были принадлежать гласные *е*, *ь*, *и*, *ě*, не встречавшиеся, как общее правило, после исконно твердых согласных. Гласный *ы* был, очевидно, среднего или заднесреднего ряда, так как он встречается и после исконно твердых согласных.

Все гласные древнерусского языка могут, примерно, быть представлены так:

нижний подьем	разные ряды	— *а*	(трава, чадо, воля),
средний подьем	задний ряд и, быть может, средний	— *о*	(око, жена),
	ряд близкий к предыдущему	—*ер*	(сънъ, шьлъ),
	передний ряд	— *е*	(небо, сынове),
	ряд близкий к предыдущему	— *ь*	(дьнь, льсть),
верхний подьем	передний ряд	— ê	(сêно, êсти),
	передний ряд	— *и*	(вино, лизати),
	средний или задне-средний ряд	— *ы*	(высота, кыслыи),
	разные ряды	— *у*	(русыи, чудо, синюю).

Лабиализованными среди этих гласных являются *о, ер, у*, остальные нелабиализованные.

Почти все указанные звуки имели знаки для своего обозначения. Звуки *а, о, у* заднего ряда обозначались знаками *а, о, у*; звуки *а, у* переднего ряда обозначались знаками *я, ю*, а среднего ряда обозначались или знаками *а, у* или знаками *я, ю;* среднее *о* обозначалось знаком *е*. Звуки *ер, ь* обозначались знаками *ер, ь*. Звук ê имел особый знак для своего обозначения.

§ 5. Согласные звуки русского языка рассматриваемого периода, как они восстанавливаются на основании памятников письменности и данных современных говоров русского языка и родственных с ним языков, были такие:

губные—а)	сонорные	—*м*,
б)	звонкие	—*б, в, (w)*, [1]
в)	глухие	—*п, ф*,
зубные—а)	сонорные	—*р, л, н*,
б)	звонкие	—*д, з, ж*,
в)	глухие	—*т, с, ш*;
зубные аффрикаты—а)	звонкие	—*(дж)*,
б)	глухие	—*ч, ц*;
задненебные—а)	звонкие	—*г*, γ,
б)	глухие	—*к, х*,
средненебные—а)	звонкие	—*(j)*.

[1]) В скобки взяты звуки, не имевшие в древнерусском алфавите специальных знаков для своего обозначения.

Из этих звуков звуки *ж, ш, ч, ц* были в древнерусском только мягкими. Звуки *к, г, х* были твердыми (задненебными), но возможно, что в отдельных группах языка были и более средние *к, г, х*. Указание на это можно видеть в имеющихся уже в ранних памятниках сочетаниях этих согласных с гласными переднего ряда (ср. написание *дьмьке* в минеях 1095 и 1096 г.г.). Остальные звуки могли быть и твердыми и мягкими.

Согласный *w* (билабиальное *в*) был известен только отдельным группам древнерусского языка. В настоящее время в соответствии с ним в отдельных говорах русского языка имеется в начале слов слоговое, а после гласной неслоговое *у*: унук, деука.

Согласный *ф* был только в некоторых группах древнерусского языка (ср. книжные *Стефан, Феврония* и народные *Степан*, Ховронья).

Согласные *з* и *с* произносились, вероятно, в некоторых группах древнерусского языка шепеляво. Так можно думать на основании того, что в древних псковских памятниках и современных некоторых псковских же говорах имеется смешение *з* и *ж*, *с* и *ш*.

Согласный задненебный звонкий фрикативный (γ) встречался в определенном положении (между гласными) во всех группах древнерусского языка, но возможно, что в отдельных группах этот звук мог быть и в соответствии с задненебным звонким взрывным *(г)* других групп (ср. распространение рассматриваемого звука в современном южновеликорусском языке).

Зубная звонкая аффриката *(дж)* произносилась, повидимому, в разных группах древнерусского языка различно: в разных памятниках древнерусской письменности она обозначалась разными знаками (или знаком *ж* или знаком *ч*), а в современных группах русского языка в соответствии с нею имеются разные звуки (или *ж* долгое мягкое или *ж* долгое твердое, или *жджж* мягкое).

§ 6. Данные памятников древнерусской письменности, а также современного русского языка во всем его обьеме и родственных с ним языков показывают, что в древнерусском языке рассматриваемого периода были многие из тех чередований звуков, какие имеются и в современном русском языке.

На основании этих данных в древнерусском можно различить 1) чередования, общие всем группам древнерусского языка и 2) чередования, свойственные только его литературному языку.

Во всех группах древнерусского языка были чередования:

I *д-ж:* водите-вожю, приходити-прихожю,

т-ч: платити-плачю, крутити-кручю,

ск,ст-ш, шч: пускати-пущю, крестити-крещю,

губные-губные+л: преломити-преломлю, купити-куплю,

задненебные-шипящие: скакати-скачю, кругы-кружити,

свистящие-шипящие: сказати-скажю, носити-ношю.

Только в литературном языке были чередования:

д-жд: насадити-насаждати, родити-рождати,

т-щ: запретити-запрещати, защитити-защищати,

ра, ла, ре-оро, оло, ере: града-города, злата-золота, брега-берега.

§ 7. Общие формальные категории древнерусского языка представляют те же категории, какие имеются и в современном русском языке. В древнерусском языке были: 1) формы числа, 2) формы падежа, 3) формы рода, 4) формы одушевленности и неодушевленности предметов, 5) формы времени, 6) формы вида, 7) формы лица, 8) формы наклонения, 9) формы залога, 10) формы обращения.

Формы числа древнерусского языка выражали не только единственность и множественность понятий, но и двойственность их—понятия, представлявшие по количеству два предмета, имели особую форму числа, так называемое, двойственное число: единственное число—*конь,* множественное—*кони,* двойственное—*коня.*

Формы падежа имели, как и современный русский язык, 6 изменений, но окончания этих изменений были иные, нежели в современном русском языке. В древнерусском языке среди существительных различались такие группы: 1) существительные с окончанием *а* в именительном падеже, *ы* и ять в родительном: жена-жены, земля-землѣ, 2) существительные с окончанием *ь* в именительном, *и* в род.: гость-гости, кость-кости, 3) существительные с окончанием *ер, ь, и, о, е* в именительном, *а* в родительном: рабъ-раба, конь-коня, краи-края, число-числа, поле-поля, 4) существительные с окончанием *ер* в именительном, *у* в род.: сынъ-сыну, 5) существительные с разными окончаниями в именительном, с окончанием *е* в родительном: камы-камене, время-времене, мати-матере и др.

Прилагательные в древнерусском языке имели, как и в современном русском языке, две формы: полную и краткую. Обе эти формы склонялись. Краткие формы склонялись как соответствующие им существительные: добра, как жена, добро, как число и пр., полные же формы имели свои особые окончания. Во множественном числе эти окончания

были во всех падежах, кроме именительного-винительного, одинаковыми для всех родов, в единственном же числе различались склонение мужеского и среднего родов и склонение женского рода. Среди прилагательных имелись, как и в современном литературном языке, прилагательные, содержавшие формы времени, залога и вида.

Формы времени имели в древнерусском, как и в современном русском, обозначения для трех основных промежутков времени: настоящего, прошедшего и будущего, но обозначения прошедшего и будущего были более подробны, нежели в современном русском языке.

Прошедшее время имело 4 обозначения: прошедшее несовершенное (имперфект), два прошедших совершенных (аорист и перфект) и преждепрошедшее (plusquamperfect). Два из них были простые (имперфект и аорист), два сложные (другие два).

Будущее время имело два обозначения: просто будущее и такое будущее, которое должно совершиться раньше другого. Первое из них могло быть простым и сложным, второе было только сложным.

Остальные формы древнерусского языка имели по сравнению с такими же формами современного русского языка сравнительно незначительные различия.

III.

ИЗМЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ОТ НАЧАЛА XII ДО НАЧАЛА XX ВЕКА.

А. Изменения звуков.

§ 1. Сравнение звуков древнерусского языка со звуками современного русского языка показывает, что 1) некоторые звуки древнерусского языка исчезли, 2) некоторые звуки изменились, 3) на месте одних звуков появились другие.

Среди звуков наибольшим изменениям подверглись 1) *ер*, *ь*; 2) *е* в отдельных положениях, 3) *ѣ* (ять), 4) *ы* и *и* в положении пред *и* неслоговым, 5) неударные *а*, *о*, *е*, 6) шипящие и *ц*.

§ 2. Звуки *ер*, *ь* древнерусского языка, как показывают памятники древнерусской письменности, не были одинаковыми во всех положениях. Они делились на две группы в зависимости от их ударения, сочетания с другими звуками, положения в слове и положения относительно других слогов слова. По ударению различались: ударные-неударные;

по сочетанию с другими звуками различались: в сочетании с плавными—в сочетании не с плавными; по положению в слове различались: в начальном слоге слова—в средине слова—в конце слова; по положению относительно других слогов слова различались: пред слогом с такими же гласными (т. е. гласными *ер* и *ь*)—пред слогом с другими гласными. Те из них, которые находились 1) под ударением в начальном слоге слова (вне зависимости от гласной последующего слога), 2) под ударением перед слогом с такими же гласными и 3) в сочетании с плавными (вне зависимости от ударения) представляли одну группу, все же остальные представляли другую группу. Первые называются сильными *ер*, *ь*, вторые—слабыми. Сильные *ер*, *ь* во всем русском языке перешли в гласные *о*, *е*, слабые же, как звуки, исчезли совсем.

Время, когда слабые *ер*, *ь* уже исчезли в древнерусском языке, а сильные перешли в *о*, *е*, приходится на вторую половину XII века. В памятниках этого времени имеется достаточное количество случаев, доказывающих исчезновение в языке писцов слабых *ер*, *ь* и переход сильных в *о*, *е*: писцы этих памятников смешивают знаки *ер*, *ь* со знаками *о*, *е*, а также пропускают знаки *ер*, *ь* в тех случаях, где эти знаки представляют обозначаемые ими звуки в слабых положениях.

Но памятники второй половины XII века представляют изменение рассматриваемых звуков как явление уже законченное, более же ранние памятники древнерусской письменности, памятники XI и первой половины XII века, представляют это изменение в его более ранней стадии.

В памятниках XI и первой половины XII века также имеются случаи пропуска слабых *ер*, *ь* и употребление знаков *о*, *е* на месте *ер*, *ь*, однако эти случаи отличаются от подобных же случаев, имеющихся в памятниках второй половины XII века. В этих последних пропуск слабых *ер*, *ь* и употребление *о*, *е* вместо *ер*, *ь* встречаются часто и, кроме того, встречаются одинаково во всех положениях, в памятниках же XI и первой половины XII века пропуск слабых *ер*, *ь* и употребление *о*, *е* вместо *ер*, *ь* строго ограничены.

В памятниках XI и первой половины XII века пропуск слабых *ер*, *ь* приходится главным образом на начальный слог слов, при чем большею частью таких слов, которые часто встречаются: много, вся, мне, два, князь (прежние *мъного*, *вься*, *мъне*, *дъва*, *кънязь*). Так, в Минее 1095 г. имеется примерно 112 случаев пропуска слабого *ер* и 142 случая пропуска слабого *ь*, и из них только 15 случаев пропуска не в первом слоге, при том в основе *мъног*-про-

пуск имеется в 73 случаях, а в основе *вьс*—в 130 (без пропуска основа вьс встречается 430 раз).

Случаи употребления в этих памятниках знаков *о*, *е* вместо *ер*, *ь* прежде всего очень незначительны по своему количеству. Кроме того, эти случаи встречаются в таких положениях, что в них можно видеть не черты писца, а черты оригинала. Среди этих случаев, как общее правило, нет случаев употребления *о*, *е* вместо *ер*, *ь* в сочетаниях с плавными, т. е. в таких сочетаниях, которыми русский язык отличается от языков южнославянских. Употребление *о*, *е*, вместо *ер*, *ь* в этих сочетаниях указывало бы, что оно возникло на русской почве, потому что в оригиналах русских писцов—памятниках южнославянской письменности, его не могло быть. В других же сочетаниях такое употребление могло проникнуть в русские памятники и из южнославянских памятников, в частности болгарских памятников, так как в отдельных говорах болгарского языка сильные *ер*, *ь* также перешли в *о*, *е* и при том перешли раньше, нежели в русском языке.

Среди встречающихся в древнерусских ранних памятниках немногих случаев употребления *о*, *е* вместо *ер*, *ь* имеется в одном из них один случай употребления *е* вместо *ь* в сочетании с плавным: жестосерьдыимъ (минея 1095 г.), но это единственный случай на весь памятник и рассматривать его как указание на переход в языке писца *ь* в *е*, конечно, нельзя. Случай этот можно рассматривать или как описку (а рассматривать его как описку можно, потому что памятник написан небрежно), или как указание на то, что в языке писца звук *ь* в условиях, особенно усиливающих его, мог произноситься как *е*. В данном случае такими условиями могли быть 1) ударяемость звука, 2) его положение: звук находился в сочетании *ср*, которое могло вызвать его удлинение, как в других случаях оно вызывало появление нового звука (ср. стретение, страм, струб. и др., встречающиеся в древних памятниках).

В других памятниках древнерусской письменности XI века случаев употребления *о*, *е* на месте сильных *ер*, *ь* в сочетаниях с плавными не наблюдается. Как единичные, встречаются такие случаи в недатированных памятниках XII века.

Следовательно, наблюдаемое в древнерусских памятниках изменение гласных *ер*, *ь* представляет длительный процесс: сначала стали выпадать слабые *ер*, *ь* в первом слоге слов, часто употребляемых в речи, затем они стали выпадать в первом слоге во всех случаях, и уже после этого последовало выпадение их во всех положениях и переход сильных *ер*, *ь* в *о*, *е*. В памятниках последние два момента

являются всегда одновременно, можно поэтому думать, что они тесно между собой связаны: повсеместное выпадение слабых *ер, ь* влекло за собой переход сильных *ер, ь* в *о, е*.

Надо заметить, что слабые *ер, ь* в конце слов, исчезнув как звуки, сохранялись, а отчасти и сохранились, как знаки. В памятниках наблюдается такое явление: чем грамотнее написан памятник, тем систематичнее выдерживается в нем употребление конечных *ер, ь*, и чем неграмотнее памятник, тем чаще они опускаются. Таким образом эти знаки стали показателями грамматических категорий, а знак *ь*, кроме того, получил и другую функцию: стал обозначать мягкость предшествующей согласной. В этом значении он дошел и до настоящего времени.

Причины, вызвавшие изменения рассматриваемых звуков, и время начала процесса самого изменения данными древнерусской письменности не объясняются, но так как такие же изменения этих звуков имеются во всех славянских языках (различия между этими языками заключаются в данном случае в качестве гласных, полученных из сильных *ер, ь*), то необходимо думать, что причины, обусловившие начало процесса, были даны еще в доисторическое время.

Следовательно, в общем процессе изменений рассматриваемых звуков можно различать две стадии: 1) возникновение изменений и 2) завершение изменений. Причины, вызвавшие возникновение процесса, действовали в доисторическое время, причины, способствовавшие завершению процесса, действовали в историческое время. Для русского языка завершение процесса изменений рассматриваемых звуков приходится на вторую половину XII века. Значит, в это время в общей жизни носителей русского языка произошли какие-то изменения, давшие толчок для завершения процесса изменения *ер, ь*.

Завершение процесса изменения звуков *ер, ь* вызывало в свою очередь в разных группах древнерусского языка ряд изменений, результаты которых отражаются и в современном русском языке, являясь частью свойственными всему языку, а частью только его отдельным группам.

Так, в некоторых группах древнерусского языка прежние гласные *о, е*, находившиеся перед слогом со слабыми *ер, ь*, после выпадения этих последних перешли в дифтонги, при чем этот переход происходил в одних группах безотносительно к ударению гласных *о, е*, а в других в зависимости от ударения. В современном русском языке отражение этого изменения наблюдается в некоторых его говорах, имеющих в отдельных случаях звук *у* или *уо* в соответствии со звуком *о* других групп.

Во всех группах древнерусского языка в тех случаях, где в одних формах слов были сильные *ер, ь*, а в других формах тех же слов были слабые *ер, ь*, образовались новые чередования: вместо прежних *сънъ-съна, дьнь-дьня* получились *сон-сна, день-дня*. Под влиянием этих чередований образовались такие же чередования и в тех словах, в которых фонетических причин для чередования не было: камень-камня, ремень-ремня, из прежних: камень-каменя, ремень-ременя.

Исчезновение конечных *ер, ь*, находившихся после согласных *р, л* в сочетании с другой предшествующей согласной вызывало образование новых гласных: между *р, л* и предшествующим им согласным развились новые *о, е* — уголь, стекол, угорь, вихорь, чисел, узел, ветер и др. из прежних: угль, стекл, угрь, вихрь и пр. В современном литературном языке в отдельных случаях гласная между конечными *р, л* и предшествующими им согласными отсутствует: добр, храбр, вихрь, кругл, мысль, корабль, журавль и др. Но так как в других случаях эта гласная имеется и в литературном языке, то можно думать, что случаи без гласной, представляющие сохранение прежних форм, являются не фонетической особенностью древнерусских языковых групп, представленных в современном литературном языке, а результатом влияния письменного языка на живой язык этих групп.

В одной группе слов, именно, в форме прошедшего времени глаголов, в имевшихся сочетаниях конечного *л* с предшествующей согласной произошло не образование новой гласной, а отпадение конечного *л*: нес, вез, греб и пр. из прежних: несл, везл, гребл и пр. Изменение это произошло во всех группах языка. Не в формах прошедшего времени глаголов отпадение конечного *л* встречается только в отдельных случаях и в отдельных словах (рупь, руп и рубель, литер, рубль, корапь, корап и корабель, литер, корабль и др.).

Исчезновение конечного *ь* после губных вызвало в отдельных случаях отвердение этих губных. Отвердело во всех группах бывшее раньше мягким конечное *м* в творительном и предложном падежах единственного числа имен мужеского и среднего родов, а также в окончании 1-го лица единственного числа глаголов нетематических. Не в этих формах конечное *м* отвердевало только в отдельных говорах, ср. народные жураф и журафь, голуп и голупь.

Исчезновение *ер, ь* в средине слов привело к тому, что согласные, раньше разьединенные этими гласными, оказались в непосредственном соседстве и вследствие этого под-

верглись или ассимиляции или упрощению. Ассимилировались предшествующие согласные последующим: где из кьде, здесь из сьдесь, свадьба из сватьба и пр. Упрощались группы, представлявшие соединение больше чем двух согласных: тошно из тощьно, молодецкий из молодечьский, што из чьто и пр. Изменения эти были общими для всех групп языка.

§ 3. Имеющееся во всем современном русском языке чередование неударного *е* с ударным *о* в положении последнего пред следующим твердым согласным: слеза-слёзы, несу-нёс, сестра-сёстры и т. п., является по сравнению с древнерусским языком новообразованием. По крайней мере данные древнерусских памятников, а также данные современного русского языка не указывают на то, что в древнерусском языке такое чередование уже было.

В древнерусских памятниках, начиная с XII века, встречаются случаи употребления знака *о* на месте знака *е*. Такая замена встречается обыкновенно перед следующей твердов согласной, при чем ударение значения не имеет: замена имеется как в ударяемом, так и в неударяемом положении. Кроме того, замена чаще встречается после шипящих, чем после других согласных, и наиболее часто встречается в формах причастий, особенно в формах дательного падежа единственного числа причастий мужеского и среднего родов. Следовательно, по количеству имеющиеся случаи замены *е* через *о* распадаются на три группы: 1) не после шипящих: дновъ (-днев), яромъ (-ярем), на сомъ (-на сем), рублов, тверди (-тверди) и др.; группа самая малочисленная, примеры в памятниках единичны, встречаются при том с XIII века; 2) после шипящих, но не в формах причастий: мужомъ, врачомъ, жолтъ, жорновъ, чорный, вашому, нашому, и др.; группа немногочисленная, примеры в памятниках единичны, и 3) после шипящих в формах причастий: осужонъ, отпущонъ, держащомъ, имущомъ, сущому, борящому, носящому, имущому и др.; группа очень многочисленная, в некоторых памятниках случаи с *о* в этой группе встречаются чаще, нежели случаи с *е* (в одном из псковских памятников XV века—Лествица 1479 г.—встречается, примерно, 95 случаев употребления формы причастий единственного числа дательного падежа мужеского и среднего родов, и из них в 80 случаях имеется *о*; в этом же памятнике *о* вместо *е* в других случаях встречается только один раз, при том в положении после шипящего (жорновъ).

В виду того, что и в памятниках южнославянской письменности употребление *о* вместо прежнего *е* в формах причастий также является распространенным, можно думать что в русские памятники оно проникло из памятников юж,

нославянских и, следовательно, является в первых чертой не фонетической, а орфографической, т. е. отражает не произношение писцов, а их правописание. Остальные две группы случаев замены в древнерусских памятниках прежнего *е* через *о* другими причинами, кроме фонетических, не обьясняются, следовательно, в них можно признать отражение произношения писцов.

Хронологически обе эти группы разделяются: *о* после шипящих встречается в памятниках, начиная с первой половины XII века, *о* после других согласных встречается начиная только с конца XIII века. Так как в обеих группах *о* вместо прежнего *е* встречается при одинаковом условии: в положении перед следующим твердым согласным, то можно думать, что эти группы отражают не разные явления, а лишь разные стадии одного и того же явления. Условие перехода определяет и самый характер явления: *е* перед следующим твердым согласным уподоблялось ему и переходило в звук более заднего ряда, т. е. происходил процесс ассимиляции.

Так как замена *е* через *о* встречается в памятниках различных древнерусских диалектических групп, то можно предположить, что произношение прежнего *е* в определенных условиях как звука близкого к *о* было распространено в различных группах древнерусского языка. При этом возможно, что в одних группах такое произношение было проведено более последовательно, а в других менее последовательно. Последнее необходимо предположить в виду имеющегося положения прежнего *е* перед следующим твердым в современном украинском языке. В украинском языке *о* на месте прежнего *е* имеется всегда после шипящих, вне зависимости от ударения, а после других согласных имеется только в немногих словах. Правда, есть данные, говорящие в пользу того, что в прежнем украинском языке *о* на месте прежнего *е* было больше распространено: имеющееся в говорах украинского языка *юо* на месте прежнего *е* (*нюос* вместо прежнего *нес*) может быть обьяснено только через посредство *о* (нес—нёс—нюос),—но нет никаких оснований предполагать, что оно было проведено строго последовательно, т. е. что всякое *е* в положении перед твердым согласным перешло в староукраинском языке в *о*. Возможно, что в тех группах древнерусского языка, которые потом образовали украинский язык, переход *е* в *о*, кроме положения после шипящих, захватил только какие-нибудь ограниченные группы слов.

В современном русском языке *о* вместо прежнего *е* положении перед следующим твердым согласным имеется

во всех группах языка только под ударением, без ударения же такое *о* имеется лишь в говорах северно-великорусского языка (в литературном и южно-великорусском языке неударного *о* из *е* вообще нет). При этом предшествующий согласный значения не имеет: *о* может быть как после шипящих, так и после других согласных: жолтый, чорный, шолковый, сёстры, нёс и пр.

Кроме *о* на месте прежнего *е*, во всем современном русском языке в таком же положении, т. е. под ударением и перед следующим твердым согласным, имеется *о* и на месте прежнего сильного *ь*: тёмный (из тьмьный), подённо (из подьньно), пёс (из пьсъ), опёнки (из опьньки) и пр.

Появление *о* на месте прежних *е* и *ь* под ударением и перед следующим твердым согласным проведено во всем современном русском языке последовательно, имеющиеся же некоторые факты, представляющие как-будто нарушение этой последовательности, находят себе обьяснения, только усиливающие ее.

Факты эти имеются двух родов: с одной стороны, имеются группы слов, в которых при соответствующих условиях встречается не *о*, а *е*, с другой стороны, имеются группы слов, в которых звук *о* на месте прежнего *е* находится не перед твердым, а перед мягким согласным. К первому роду принадлежат такие слова, как а) небо, крест, перстень, пещера, хребет, учебный и др.; б) молодец, отец, купец, мережка, смежный, головешка и др.; в) вера, бред, блеск, мелкий, лекарь, мера, лес и др. К словам второго рода принадлежат: а) идёте, ведёте, несёте и пр.; б) в черноземе, околёсица, на клёне и некоторые др.

Первая группа слов первого рода представляет слова книжные, слова, перешедшие в живой язык из языка письменного, поэтому сохранение в них прежнего *е* может только указывать, что они не были в широком употреблении, а принадлежали языку отдельной узкой группы. Действительно, в имеющихся рядом с этими словами словах живой речи находим не *е*, а *о*: нёбо, крёстный, напёрсток, печора, хребёт, учоба и пр.

Вторая группа слов первого рода представляет слова, в которых последующий согласный был раньше мягким и отвердел только впоследствии: отець, купець и слова, в которых *е* находится перед шипящими. В этой группе слов имеются различия как внутри отдельных групп языка, так и между его отдельными группами: головёшка и головешка, вётошь и ветошь, одёжа, одежда и одежа, слёзно и слезно, падёж и падеж и пр. Различия эти являются следствием того, что согласные отвердевали не все сразу и не во всех

группах языка одновременно. Большое разнообразие в этой группе слов в современном литературном языке обьясняется, кроме того, еще и тем, что в этой группе языка, с одной стороны, сохранились слова прежнего книжного языка, с другой стороны, соединились слова различных групп народных языков. Словами прежнего книжного языка в современном литературном языке являются такие слова, как падеж, мятеж, надежда, одежда и пр., словами разных групп народных языков являются: лещ, клещ, мережка, головешка, чешет и рядом: тёща, застёжка, головёшка, падёж, ёж, делёж и пр.

Третья группа слов первого рода (вера, бред и пр.) имеется только в тех группах языка, в которых прежнее ять перешло в *е* или во всех положениях или в таких положениях, которые соответствуют положению *е* при переходе в *о*, т. е. под ударением и перед следующим твердым согласным. В этих группах языка современное *е* рассматриваемых слов восходит к прежнему ять, следовательно, слова эти не нарушают общей последовательности перехода *е* и *ь* в *о*, а только указывают, что в то время, когда происходил этот переход, ять в этих группах еще не совпало с *е*. Только в отдельных говорах северно-великорусского языка, знающих *о* на месте прежнего *е* в неударном положении, встречается в первом предударном слоге также и *о* на месте прежнего ять: рёка, лёсу и пр.

Слова второго рода (идёте, несёте, на клёне и пр.) представляют слова, в которых *о* вместо *е* получилось благодаря влиянию, которому подверглись эти слова со стороны слов, связанных с ними или по вещественным, или по формальным значениям и имевших *о* по своим фонетическим условиям: клён—на клёне, колёса—околёсица, чернозём—в черноземе, идём, несём и пр.—идёте, несёте и пр.

Итак, сопоставление данных современного русского языка с данными древнерусских памятников показывает 1) что имеющееся в современном русском языке чередование неударного *е* с ударным *о*, представляющее по сравнению с древнерусским языком новообразование, ведет свое начало еще от древнерусского языка и 2) что имеющиеся в группах современного русского языка различия в отношении рассматриваемого явления отражают или древнейшее состояние данного явления, или древнейшее состояние отдельных звуков языка. Говоры современного северно-великорусского языка, знающие *о* на месте прежнего *е* перед следующим твердым согласным вне зависимости от ударения, представляют то состояние рассматриваемого явления, какое на основании памятников древнерусской письменности необходимо пред-

положить для древнерусского языка еще первой половины XII века. Конечно, тот звук, какой имелся на месте прежнего *е* в разных группах древнерусского языка, мог отличаться от того *о*, какое имеется в этом положении в говорах современного русского языка, но общий тип этого звука должен был быть одинаков со звуком современных русских говоров: это был звук лабиализованный, среднего подьема и не заднего ряда. Так можно думать на основании того, что этот звук 1) перешел во всех группах языка в *о*, 2) мог обозначаться тем знаком, какой употреблялся и для обозначения звука *о* и 3) являлся заменой звука переднего ряда. Во всяком случае преемственности между рассматриваемым звуком древнерусского языка и имеющимся звуком современного русского языка отрицать нельзя. Появление этого звука, представлявшее изменение прежнего звука, могло получить свое начало не только в то время, когда оно нашло свое выражение в памятниках письменности, но еще в более раннюю эпоху, на письме же оно могло оставаться невыраженным благодаря отсутствию соответствующего знака.

Некоторые относительные хронологические указания, касающиеся отчасти рассматриваемого изменения, а отчасти изменения других звуков языка, дают те группы слов современного русского языка, в которых рассматриваемое изменение отсутствует вследствие бывших некогда в этих словах иных фонетических условий.

Отсутствие перехода *е* в *о* перед шипящими и *ц* показывает, что этот переход начался ранее отвердения этих согласных, и что согласные эти отвердевали не во всех группах языка одновременно.

Отсутствие перехода в *о* того *е*, которое получилось в отдельных группах языка из ять, показывает, что переход произошел раньше, нежели ять перешло в этих группах в *е*. Возможно, однако, что в отдельных группах древнерусского языка ять в каких-нибудь определенных условиях могло перейти в *е* и раньше времени перехода *е* в *о*: на это как будто указывает то *о́* из ять, которое имеется в определенных положениях в отдельных говорах северновеликорусского языка.

Относительным показателем времени рассматриваемого изменения является также переход в *о* того *е*, которое было получено из *ь*. Переход этот имеется не только во всем современном русском языке, но и в памятниках древнерусского языка. Думать, что переход *е* в *о* произошел вообще позже перехода *ь* сильного в *е*, нельзя, так как случаи перехода *е* в *о* имеются в памятниках уже первой половины

XII века, а переход *ь* в *е* датируется второй половиной этого века, но не следует забывать, что случаи *е* вместо *о* в ранних памятниках встречаются только после шипящих, после других же согласных они встречаются только в памятниках XIII века. Можно, следовательно, думать, что ранние стадии перехода *е* в *о* могли происходить и ранее перехода *ь* в *о*, позднейшие же стадии перехода *е* в *о* происходили уже позже перехода *ь* в *е*.

§ 4. Относительно звука ѣ (ять) памятники древнерусской письменности дают такие показания: 1) во всех памятниках, начиная с самых ранних, ять смешивается с *е* в словах, принадлежавших не живому языку, а письменному: древа, брега, млеко, телеси и т. п., которым в живом языке соответствовали: дерево, берега, молоко, тело и пр.; 2) в имеющихся ранних памятниках ять, кроме указанных выше случаев, с другими знаками не смешивается; не смешивается также ять с другими знаками и в части древнерусских памятников до конца XV века; 3) со второй половины XII века и позже имеются южнорусские памятники, в которых ять заменяет *е* в слогах, предшествующих слогу с *ь* слабым (шесть, камень, зелье и пр.); 4) с начала XIII века имеются западнорусские памятники, а позже севернорусские и восточнорусские, в которых ять смешивается с *е* во всех положениях; с XV века имеется ряд севернорусских и восточнорусских памятников, в которых ударяемое ять не смешивается, а неударяемое смешивается с *е*; 5) с конца XIV века, и позже имеются памятники севернорусские и южнорусские, в которых ять смешивается с *и*, при чем в одних памятниках, как севернорусских, так и южнорусских, это смешение встречается во всех положениях, а в других оно встречается только в определенных положениях: в севернорусских в зависимости от ударения и качества последующего слога, в южнорусских в зависимости от качества предшествующей согласной.

Эти данные заставляют предполагать, 1) что в древнерусском литературном языке звук ять мог в словах, принадлежащих только книжной речи, произноситься не так, как в словах, принадлежащих живой речи; в словах книжной речи он произносился как *е*; 2) до конца XV века в древнерусском языке были говоры, в которых ять было отдельным звуком; 3) в отдельных говорах древнерусского языка ять совпадало с тем звуком, который мог получаться из *е* в положении перед слогом с выпавшим *ь*; 4) с XIII века в одних группах древнерусского языка, а позже и в других, ять могло во всяком положении произноситься как *е*; 5) с XV века ять могло произноситься в отдельных группах древне-

русского языка как *и*, при чем в одних группах во всяком положении, а в других—только в определенных положениях.

Произношение ять как *е* в книжных словах древнерусского литературного языка могло быть заимствованным, так как такое произношение было и в говорах болгарского языка.

Отсутствие в значительной части древнерусских памятников смешения ять с другими знаками при наличности в тех же памятниках других диалектических черт (например, смешения *ч* и *ц*) показывает, что для писцов этих памятников знак ять обозначал какой-то отдельный звук, который они не смешивали ни с одним звуком, обозначавшимся другим знаком. Указание на характер этого звука дают те основные рефлексы прежнего ять, которые имеются в современном русском языке и родственных с ним языках.

В группах современного русского языка на месте ять имеется или *е*, или *ие*, или *и*: в литературном, большей части южно-великорусского и меньшей части северно-великорусского имеется *е*, в некоторых говорах северно-великорусского и южно-великорусского языков имеется *ие*, в большей части северно-великорусского—*и*, при чем возможно *и* во всех положениях или только в определенных, в зависимости от ударения и качества последующего слога. В отдельных говорах современного северно-великорусского языка имеется также на месте прежнего ять в первом предударном слоге звук *о*, но этот звук является уже не рефлексом ять, а рефлексом звука *е*, полученного из ять.

В современном белорусском языке (в состав этого языка вошли древнерусские западные группы) на месте ять имеется всегда *е*; в современном украинском языке (в состав его вошли южные древнерусские группы) на месте прежнего ять имеются, различаясь по говорам, *и* и *ие*.

В других современных славянских языках на месте ять имеется в большинстве случаев или *е*, или *и*, или *ие*, и только в отдельных говорах болгарского языка и во всем польском языке имеется в строго определенном положении (перед следующим твердым согласным) иной звук (*а* с предшествующей мягкостью согласного).

Такое положение ять в указанных языках заставляет предположить, что в тех случаях, где в памятниках древнерусской письменности нет смешения знака ять с другими знаками и нет оснований предполагать, что отсутствие такого смешения вызвано только грамотностью писцов,—в этих случаях знак ять обозначает отдельный звук, именно, сочетание *ие*.

Указанием на прежнее произношение ять является и то употребление ять вместо *е* в слогах, предшествующих слогу

с *ь* слабым, какое имеется в древних южнорусских памятниках (написания *шесть*, *камень* и пр.). В соответствии с этим ять в говорах современного украинского языка имеется именно *ие*.

Так как дошедшие до нас древнерусские памятники XI века принадлежат к разным диалектическим группам и в то же время не имеют смешения ять с другими знаками (имеется только смешение ять с *е* в книжных словах), то можно думать, что произношение ять как *ие* было свойственно если не всем группам древнерусского языка, то по крайней мере большинству его групп.

Вопрос, различалось ли произношение ять в отдельных группах древнерусского языка эпохи первых памятников русской письменности, на основании тех данных, которые имеются в настоящее время, в полной мере не разрешается. Частичное разрешение его имеется в факте отсутствия в огромном большинстве современных русских групп перехода ять в *о*. Отсутствие этого перехода, имеющееся кроме русского языка также и во всем белорусском языке (в белорусском имеется только переход в *о* старого *е*), показывает, что в то время, когда *е* переходило в *о*, ять по своему произношению отличалось от *е*. Но переход *е* в *о*, содержащий в себе также и переход того *е*, которое было получено из *ь*, мог произойти лишь после завершения процесса изменений *ер*, *ь*, т. е. не раньше второй половины XII века. Следовательно, до второй половины XII века произношение ять как *е* не могло быть.

Нарушением этого положения является то обстоятельство, что в отдельных современных северно-великорусских говорах имеется предударное *о* также и на месте прежнего ять. Встречается оно не в одной какой нибудь группе говоров, а в разных группах, при том в группах, различающихся по произношению ударного ять: в одних группах, знающих предударное *о* на месте ять, последнее произносится во всех положениях как *е*, в других—неударное ять произносится как *е*, ударное как *и*. Правда, условия происхождения этого *о* неясны, но в то же время нет никаких данных, позволяющих рассматривать это *о* вне общего процесса перехода *е* в *о*. К тому же самый факт его существования в разных группах показывает, что оно представляет давнишнюю черту. Но если это черта 1) давнишняя и 2) связанная с общим процессом перехода *е* в *о*, то следовательно, произношение ять как *е* могло быть и до времени перехода *е* в *о*. Отсюда возможно заключение, что в древнерусском языке эпохи первых памятников русской письменности были не только группы, не знавшие произношения ять как *е*, но были также

и группы, знавшие произношение, по крайней мере, неударного ять как *е*.

Образование *е* на месте прежнего ять в тех группах древнерусского языка, в которых этого *е* не было до времени перехода старого *е* и *е* из *ь* в *о*, могло происходить не единовременно во всех группах, но самое время этого перехода возможно наметить только для древнерусских западных групп. Так как памятники этих групп, имеющие уже достоверные случаи смешения знаков ять и *е*, начинаются с начала XIII века (Смоленская грамота 1229 г.), то следовательно, образование *е* из ять произошло в этих группах в промежутке времени от этой второй половины XII века до начала XIII века. Самое образование естественнее всего представить как результат изменения прежнего сочетания *ие*: *ие* изменялось в направлении к *е*, а затем и совсем совпало с тем *е*, которое было в языке на месте старого *е* и *е* из *ь*. Последовательность этого изменения в разных группах языка могла быть различна. В одних группах сначала могло изменяться неударяемое ять, а затем уже и ударяемое, в других изменение могло начаться с каких нибудь отдельных положений ять в слове.

Произношение ять как *и* представлено полно северными и южными памятниками, начиная с XIV века, но возможно, что оно было и раньше, потому что и в более ранних памятниках встречается в отдельных случаях употребление *и* на месте ять. Подобно *е*, *и* на месте прежнего ять могло также получиться из *ие*, и последовательность этого изменения могла быть также в разных группах языка различна. В севернорусских памятниках встречается, например, смешение ять и *и* во всяком положении и смешение их только перед мягкими согласными. В современных севернорусских говорах также имеется различие в произношении ять в зависимости от последующего согласного.

Следовательно, можно думать, что произношение ять было не одинаковым уже в отдельных группах древнерусского языка: на месте ять возможно было *ие*, *е*, *и*. Произношение ять как *ие* было, повидимому, преобладающим, а произношение как *е* или как *и* могло быть лишь в определенных условиях. Дальнейшие изменения заключались в том, что *ие* перешло в одних группах в *е*, в других в *и*, в третьих осталось без изменения, при чем и переход и неизменяемость могли быть обусловлены как ударением данного звука, так и его положением в слове.

§ 5. Изменение *ы* и *и* пред *и* неслоговым представляет интерес, как изменение, обьединяющее все группы русского языка в противоположность белорусскому и украинскому

языкам. Изменно, в соответствии с древнерусскими сочетаниями *ый, ий*, сохранившимися без изменения в украинском и большей части белорусского языка, во всем русском языке имеются в настоящее время сочетания *ой, ей*: слепой, молодой, золотой, синей, третей и пр. Только в некоторых говорах северно-великорусского и южно-великорусского языков имеется вместо прежнего *ый* не *ой*, а *эй*: слепэй, молодэй (такое же *эй* имеется и в отдельных говорах белорусского языка).

Отсутствие изменения *ы* и *и* в *о* и *е* во всех других положениях, кроме положения перед *и* неслоговым, показывает, что *ы* и *и* перед *и* неслоговым произносились иначе, нежели в других положениях. Различие заключалось, вероятно, в подьеме языка: в положении перед *и* неслоговым *ы* и *и* были звуками не верхнего подьема, как в других положениях, а несколько меньшего. Увеличение их подьема дало *ый, ий* белорусского и украинского языков, а уменьшение подьема дало *ой, ей* русского языка. Произношений *эй* вместо *ой*, имеющееся в отдельных говорах северно-великорусского, южно-великорусского и белорусского языков, представляет, повидимому, одну из промежуточных стадий перехода.

Переход *ый, ий* в *ой, ей* засвидетельствован памятниками древнерусской письменности, начиная со второй половины XIII века: в памятниках этого времени имеются случаи написания *ой, ей* вместо обычных книжных *ый, ий*. Так как в древнерусских памятниках более раннего времени отражения этой диалектической черты древнерусских говоров нет, хотя имеются отражения других диалектических черт, то можно думать, что этой черты в древнерусском языке эпохи первых памятников русской письменности и не было, появилась же она в более позднее время и при том в такое время, когда древнерусские группы, образовавшие затем великорусский язык, были в своей социальной жизни обособлены от древнерусских групп, образовавших затем языки белорусский и украинский.

§ 6. Произношение прежних неударных *а, о, е*, в современном русском языке противопоставляет северно-великорусский язык литературному и южно-великорусскому языкам. В северно-великорусском языке произношение неударных *а, о, е* не представляет каких-либо особенностей, обособляющих эти гласные от других неударных гласных, в литературном же и южно-великорусском языках произношение неударных *а, о, е* представляет ряд особенностей, обьединяющих эти гласные и отличающих их от других неударных гласных. Особенности эти имеют общее техническое

название: аканье. Среди них имеются черты, общие всем говорам, и черты, различающиеся по говорам.

Общей чертой аканья является изменение произношения прежних неударных *а, о, е*. Неударное *о* в акающих говорах отсутствует совершенно. На месте его имеется или *а* или *ы*, или звук неполного образования среднего подьема, среднего ряда. На месте прежнего неударного *а* после твердых согласных имеются те же звуки, что на месте неударного *о*, после же мягких согласных имеется или *а*, или *е*, или *и*, или звук неполного образования среднего подьема переднесреднего ряда. На месте прежнего неударного *е* имеются те же звуки, что и на месте неударного *а* после мягких согласных.

По различиям в произношении неударных *а, о, е* акающие говоры могут быть разделены на две группы: 1) говоры, в которых произношение неударных *а, о, е* зависит от места нахождений их по отношению к ударяемому слогу слова и от качества соседних с ним звуков, и 2) говоры, в которых такой зависимости нет.

В говорах первой группы различаются неударные *а, о, е* предударных и заударных слогов. Из предударных слогов особенно выделяется первый предударный. В этом слоге гласный, имеющийся на месте прежних *а, о, е,* будет всегда полного образования, в других же слогах по большей части имеются гласные неполного образования. В говорах второй группы таких различий нет. В этой группе на месте прежних неударных *а, о, е* имеется обыкновенно во всех неударных слогах *а*: дярявушка, мамянька, камянь и проч. Изучение акающих говоров показывает, что аканье в говорах этой группы представляет явление заимствованное: аканье проникло в эти говоры под влиянием соседних акающих говоров первой группы.

В первой группе говоров имеются еще подразделения, зависящие от места нахождения и характера влияния соседних звуков. По этим признакам различаются: 1) говоры, в которых произношение неударных *а, о, е* зависит от гласной последующего слога и 2) говоры, в которых произношение этих гласных зависит от предшествующей согласной. В первой из этих подгрупп различаются еще: 1) говоры, в которых произношение неударных *а, о, е* уподобляется гласной последующего слога—ассимилятивнсе аканье, и 2) говоры, в которых произношение рассматриваемых гласных расподобляется гласной последующего слога—диссимилятивное аканье.

Таким образом чертами аканья, общими всем исконно акающим говорам, являются черты, характеризующие са-

мый процесс аканья, чертами же, различающимися по говорам, являются черты, характеризующие детали этого процесса. Такое положенне показывает, что начало аканья было одинаковым для всех групп, давших затем акающие говоры, развитие же его было в разных группах различным.

Имеющиеся в исконно акающих говорах основные факты аканья—отсутствие неударного *о* и наличность в большинстве слогов одинаковых звуков на месте прежних неударных *а*, *о*, *е*, дают основание предполагать, что начало процесса было вызва: о ослаблением неударных *а*, *о*, *е*. Ослабление это выражалось в вялости артикуляций языка и губ, приведшей к делабиализации неударного *о* и появлению на месте неударных *а*, *о*, *е* „нейтральных" гласных, обьединивших после твердых согласных гласные *а* и *о*, а после мягких согласных гласные *а* и *е*. Дальнейшее развитие процесса заключалось в усилении в отдельных положениях, (в частности, в предударных слогах,) полученных новых гласных. Это развитие происходило уже в разных группах языка отдельно.

Самое ослабление неударных *а*, *о*, *е* может быть обьяснено как результат изменения в языке соотношений между ударными и неударными слогами: неударные слоги стали произноситься слабее, нежели они произносились раньше. Следствием этого могло быть как количественное изменение неударных гласных—сокращение долгих гласных,—так и качественное изменение их. Качественным изменениям подверглись только гласные *а*, *о*, *е*, т. е. гласные среднего и нижнего подьемов. Возможно, что последнее произошло вследствие того, что производство этих гласных связано с большей работой нижней челюсти. Ослабление артикуляции всех неударных гласных вызвало ослабление необходимой для производства этих гласных работы нижней челюсти, и результатом явились „средние" гласные.

В памятниках древнерусской письменности аканье проявляется в виде случаев смешения неударных *а* и *о*. Случаи эти встречаются в памятниках не раньше XIV века, но самый процесс аканья начался, вероятно, раньше. Так можно думать на основании имеющейся общности аканья в южно-великорусском и белорусском языках. Общность эта предполагает общность совместной жизни, но в XIV веке группы, давшие южно-великорусский и белорусский языки, жили уже обособленной жизнью. Позднее проявление аканья на письме может быть обьяснено отсутствием средств выражения: не было знаков, которыми можно было бы обозначить новые звуки.

§ 7. Произношение шипящих и *ц* во всем современном русском языке характеризуется, во-первых, тем, что некоторые из этих согласных имеются как твердые звуки, а некоторые как мягкие, при чем мягкость одних и твердость других в разных группах языка не совпадают, и, во-вторых, тем, что имеющиеся во всем языке сочетания шипящих, соответствующие древнерусским сочетаниям *ждж*, *шч*, произносятся в разных группах языка неодинаково.

В соответствии с древнерусским *ждж* в современном русском литературном языке имеется *ж* долгое, а в соответствии с *шч* имеются *ш* долгое и *шч*. В южно-великорусском в соответствии с этими сочетаниями имеются *ж* и *ш* долгие. В северно-великорусском языке в одних говорах имеются соответственно *ж* и *ш* долгие, а в других *ждж*, *жд*, *шч* и *шт*: приежжай, приежджяй, приеждяй, пушшу, пушчю. пуштю. В современном русском правописании долгие *ж*, *ш*, и сочетание *шч* литературного языка специальных знаков для своего обозначения не имеют и обозначаются: *ж* долгое через *жд*, *жж*, *зж*, *сж*: дожди, жужжит, приезжай, сжечь, а *ш* долгое и *шч* через *щ*, *сч*, *зч*, *сш*: счолка, счет, возчик, сшить. Не было для рассматриваемых сочетаний специальных знаков и в древнерусской письменности. Вот почему в обозначении этих сочетаний в древнерусских памятниках имеется известное разнообразие. В севернорусских памятниках сочетание *ждж* передается часто не через традиционное *жд* старославянской письменности, а через *жг*: дожгь, пригвожгена, а в южнорусских памятниках это же сочетание часто передаетея через *жч*: дожчь, пригвожчена. Соответственное глухое сочетание чаще передается через традиционное *щ*, но встречаются также и другие обозначения: в севернорусских памятниках *щ*: смушаеть, в южнорусских—*шч*: смушчает. Конечно, имеющееся разнообразие в обозначении рассматриваемых сочетаний, помимо отсутствия соответствующих знаков, может быть также обьяснено еще и тем, что произношение этих сочетаний в разных говорах древнерусского языка было неодинаковым.

Основным изменением рассматриваемых сочетаниий является переход их в *ж*, *ш* долгие. Переход этот представляет в сущности упрощение прежних сочетаний. Проследить его по памятникам нельзя, так как точных примеров, свидетельствующих о произношении данных сочетаний как *ж*, *ш* долгие, нет, но тот факт, что эти *ж*, *ш* имеются только в русском языке и отсутствуют в большинстве говоров белорусского языка и во всем украинском языке, показывает, что переход рассматриваемых сочетаний в *ж*, *ш* долгие представляет уже позднейшее явление.

Другим изменением шипящих является их отвердение. Отвердение коснулось главным образом согласных *ж*, *ш*. В настоящее время недолгие *ж*, *ш* являются твердыми во всем русском языке, кроме отдельных говоров северно-великорусского языка, а долгие *ж*, *ш* могут быть и твердыми и мягкими. В тех говорах северно-великорусского языка, в которых в соответствии с *ж*, *ш* долгими других групп имеются сочетания *жд*, *шч* и проч., эти последние обыкновенно мягки.

В памятниках достоверные случаи отвердения *ж*, *ш* имеются только с XIV века. Именно, в памятниках этого времени встречаются случаи написания после этих согласных буквы *ы* вместо правописного *и*: оспожына, промежы, жывите и пр. Однако, можно думать, что отвердение началось раньше этого времени, так как оно имеется не только в русском языке, но и во всем белорусском и отдельных говорах украинского языка. Можно также думать, что отвердение началось с положения рассматриваемых согласных перед *е*. Как указывалось выше (§ 3), *е* переходило в *о*, повидимому, раньше всего после шипящих, но сочетания *жо*, *шо* (это *о* было, вероятно, переднего или среднего ряда) представляли условия, благоприятные для отвердения *ж*, *ш*, потому что массив языка должен был для произношения *о* подаваться назад и благодаря этому увеличивался резонатор предшествующих согласных.

Согласный *ч* сохранился во всем русском языке как мягкий звук. Правда, в отдельных говорах северно-великорусского языка имеется *ч* твердое, но можно думать, что это *ч* получилось из более старого *ц*, которое было твердым.

Согласный *ц* является в настоящее время твердым в литературном и южно-великорусском языках, в северно-великорусском же он является твердым только в некоторой части говоров, в большинстве же говоров он сохранился как звук мягкий. Отвердение *ц* по памятникам прослеживается только с XVI века, но возможно, что оно началось раньше, только не нашло своего выражения. Во всяком случае оно произошло позже, нежели отвердение шипящих, так как перед *ц* нет совсем перехода *е* в *о*, который во многих случаях имеется перед *ж* и *ш*: отец, купец, молодец и пр., но делёж, грабёж, лепёшка и проч.

Б. Изменения форм отдельных слов.

§ 8. Изменения, совершившиеся на протяжении восьми веков (начало XII—начало XX веков) в формах отдельных слов русского языка заключаются: 1) в изменении самых

систем некоторых общих формальных категорий языка, 2) в изменении звуковых особенностей отдельных форм без потери ими своих прежних формальных значений и 3) в изменении некоторыми отдельными формами своих прежних формальных значений.

Изменения систем произошли в формах числа и времени. Изменения звуковых особенностей произошли в формах склонения, в формах лица, наклонения, залога, а также в формах инфинитива. Изменения прежних формальных значений произошли в формах причастий и деепричастий.

§ 9. Изменение в системе категории числа состоит в том, что имевшиеся в древнерусском языке обозначения единичности, двойственности и множественности понятий были заменены обозначениями только единичности и множественности: двойственное число в языке исчезло, а вместо него стали употребляться большей частью формы множественного числа. В современном русском языке двойственного числа как живой, сознаваемой говорящими формы нет, но следы его сохранились 1) в отдельных выражениях, 2) в формах отдельных слов и 3) в формах отдельных сочетаний слов.

Отдельными выражениями, представляющими формы прежнего двойственного числа, являются: воочию, двоюродный, двуликий, двурогий, представляющие остатки прежнего род.—местн. падежа дв. ч. (троюродный по аналогии с двоюродный), два дни, два рубли, два шага, два ряда, два раза (ср. родительный падеж единственного числа: ш*а*га, р*я*да, р*а*за), представляющие именительный двойственного числа.

В формах отдельных слов остатками прежнего двойственного числа являются: а) слова *два, две*, обе части слова *двести* и первая часть слова *двенадцать*, представляющие именительный-винительный двойственного числа мужеского и женского родов, творительный *двумя* (вместо прежнего *двома*), и под влиянием его *тремя, четырьмя*, а также диалектические *имя* (ими), *всемя* и др. формы творительного падежа множественного числа на *мя* и *ма* в народных говорах; б) современный именительный падеж множественного числа от слов *око, ухо, плечо, колено:* очи, уши, плечи, колени, представляющий прежний именительный-винительный двойственного числа этих слов; в) современный именительный-винительный падеж множественного числа на *а* слов мужского рода, представляющих парные предметы: глаза, рога, бока, берега; форма эта является прежней формой именительного-винительного двойственного числа этих слов; по аналогии с этими словами в настоящее время имеется

такое же окончание в именительном-винительном множественного числа и от других слов: города, дома, луга и проч.

В формах сочетания отдельных слов остатками двойственного числа являются сочетания числительных *два* и *оба* с существительными мужеского рода: два дома, оба брата и проч., и тех же числительных с существительными женского рода мягкого склонения: две души, обе земли и проч. Формы этих существительных в данных сочетаниях представляют прежний именительный-винительный двойственного числа, согласованный с таким же падежом числительных. Когда значение двойственного числа утратилось, то формы эти стали восприниматься как сходные с ними по окончаниям формы родительного падежа единственного числа (в древне-русском языке имена женского рода мягкого склонения оканчивались в родительном падеже единственного числа на ять, но это окончание было очень рано вытеснено окончанием *и* под влиянием окончания твердых основ, поэтому *и* в формах *две души* и т. п. и могло быть воспринято как окончание род. ед.). В дальнейшем окончания эти распространились и на те существительные, которые в им.-вин. дв. имели другие окончания: два села, оба поля, две жены, обе сестры вместо прежних: два селе, оба поли, две жене, обе сестре (окончанием здесь было *и* и ять). К этому присоединилось еще распространение рассматриваемых сочетаний на сочетания с числительными три и четыре, при которых раньше стояло обыкновенно мн. ч.: три поясы, четыре дворы и пр. Таким образом и получились имеющиеся во всем современном русском языке сочетания с числительными два, оба, три, четыре, отличающиеся от сочетаний с прочими числительными.

В древнерусских памятниках письменности потеря двойственным числом его прежнего значения выразилась в смешении двойственного числа со множественным, а иногда и с единственным числом. Первые примеры смешения относятся к памятникам начала XIII века, но еще в XIV и XV веках встречаются памятники с правильным употреблением двойственного числа. Так как потеря двойственного числа имеется не только в русском, но также в белорусском и украинском языках, то можно думать, что самый процесс утраты этим числом его прежнего значения начался в древнерусских говорах раньше XIII века, позднее же его отражение и продолжавшееся долгое сохранение в письменном языке обязаны известной консервативности последнего. Дольше всего в памятниках письменности удержались формы двойственного числа в сочетаниях с числительными *два*, *оба* и в названиях парных предметов, т. е. в тех слу-

чаях, следы которых имеются и в современном русском языке. Устойчивость в этих случаях форм двойственного числа и их распространение на другие формы показывают, что в сознании говорящих значение двойственного числа дольше всего сохранялось именно в этих случаях.

§ 10. Изменения в системе категории времени относятся к прошедшему и будущему временам и заключаются в уменьшении обозначений отдельных промежутков обоих времен. В древнерусском языке для обозначения прошедшего времени было четыре формы, а для обозначения будущего две, если не считать настоящего времени глаголов совершенного вида, являющегося будущим временем, в современном русском языке каждое из этих времен имеет только по одной форме.

Из прежних форм прошедшего времени исчезли: прошедшее несовершенное (имперфект), одно из прошедших совершенных (аорист) и преждепрошедшее (plusquamperfect). Осталось только прежнее совершенное сложное (перфект), утратившее на протяжении времени одну из своих составных частей и обратившееся таким образом в несложное.

Из утраченных форм времени раньше всего были утрачены имперфект и аорист, при чем первый был утрачен раньше второго. В древнерусских памятниках делового письма формы имперфекта не встречаются совсем, формы же аориста, хотя и редко, но встречаются. В памятниках не делового характера (церковные книги и книги для чтения—летописи, жития, разные сборники) обе формы употребляются часто вплоть до позднейшего времени, но уже с начала XIII века употребление их в этих памятниках показывает, что писцы перестали различать их по значению: они смешивают обе формы, не различая их по основам, по окончаниям чисел, а в дальнейшем и по окончаниям лиц.

В современном русском языке от имперфекта следов не осталось, от аориста же сохранились формы второго и третьего лица единственного числа глаголов *быти* и *чути*, представляющие в настоящее время одна частицу, а другая междометие: *бы, чу*.

Преждепрошедшее время сохранялось в языке дольше имперфекта и аориста. Памятники древнерусской письменности сохранили два вида этого времени: одно, образованное из причастия прошедшего времени на *л* соответствующего глагола и форм аориста или имперфекта глагола *быти*, и другое, образованное из того же причастия и форм перфекта глагола *быти*. Преждепрошедшее время первого образования встречается в памятниках более ранних, второго же образования появляется в памятниках, только начиная с

XIII века, т. е. с того времени, когда имперфект и аорист, входившие в образование преждепрошедшего первого вида, уже не были, как можно судить по их употреблению в памятниках, живыми формами.

В памятниках письменности преждепрошедшее время второго вида встречается как живая форма еще в XVI веке, а в отдельных случаях и позже. В современном русском языке остатками его являются выражения с *было:* взял было, позавтракать было совсем уже собралась, пошел было и проч., и начальные слова сказок: жил-был, жила-была, жили-были.

Прошедшее совершенное сложное (перфект), давшее современные формы прошедшего времени, образовывалось из причастия прошедшего времени на *л* соответствующего глагола и форм настоящего времени глагола *быти*. Следовательно, в нем, как и в других сложных временах, лицо указывалось формами вспомогательного глагола. Так как в речи указание на 3-е лицо, т. е. на то лицо, которое является предметом речи, дается обычно названием этого лица, то обозначение его формами вспомогательного глагола может оказаться лишним, и, действительно, во всех славянских языках в формах 3-го лица обоих чисел перфекта вспомогательный глагол может отсутствовать. В древнерусском языке отсутствие этого глагола имеется уже в древнейшем памятнике живого русского языка,—надписи на Тмутараканском камне 1068 г.

Опущение вспомогательного глагола в 1-м и 2-м лицах перфекта встречается в памятниках с начала XII века, причем параллельно с этим опущением наблюдается большее употребление в этих формах личных местоимений. Таким образом функцию указателей лиц в этом времени принимают для первых двух лиц местоимения, а для третьего лица (единственного и множественного) названия предметов и указательные местоимения, вспомогательный же глагол становится лишним и исчезает.

В памятниках письменности употребление в форме прошедшего времени 1-го и 2-го лиц вспомогательного глагола встречается еще в XVI веке, после этого времени они исчезают, сохраняясь в отдельных случаях лишь как архаизмы. В современном русском языке остатки их сохранились только в народных песнях.

Имевшиеся в древнерусском языке два сложных будущих образовались: одно из инфинитива соответствующего глагола и форм настоящего времени глаголов *имамь, начьну, хочу*, а другое из причастия на *л* соответствующего глагола и форм настоящего времени глагола *буду*. Будущее второе

обозначало те действия, которые должны были совершиться в будущем раньше какого-нибудь другого действия.

В памятниках письменности обе формы являются обычными еще в XVI веке, но уже с этого времени появляется новая форма будущего времени, образованная из инфинитива соответствующего глагола и форм глагола *буду*, т. е. та форма, которая имеется в современном русском языке. Так как появление этой формы совпадает по времени с закреплением за причастием на-*л* значения прошедшего времени, то можно думать, что именно это закрепление и обусловило появление новой формы, вытеснив употребление причастия на *л* в будущем времени и соединив таким образом это лишенное своего специального значения будущее с имевшимся другим будущим.

§ 11. В формах склонения изменения произошли главным образом среди существительных, среди прилагательных же наиболее существенным является потеря склонения прилагательными краткой формы (кроме прилагательных притяжательных), явившаяся результатом диференциации в употреблении кратких и полных форм: краткие формы стали употребляться преимущественно в качестве составной части сказуемого, следовательно, только в форме именительного падежа, а полные формы остались как определения, сохранив таким образом свои изменения. Начало этой диференциации наблюдается уже в ранних памятниках русской письменности.

В формах склонения существительных произошли изменения, произведшие полную перетасовку всех прежних склонений. Имевшиеся в древнерусском языке группы склонений перемешались между собою, образовав новые группы, отличающиеся от прежних как своим количеством, так и качеством. Вместо прежних 5 групп склонений образовалось 4 группы, представляющие по окончаниям своих падежей соединения отдельных прежних групп. Общий характер этих изменений становится ясен при сопоставлении прежних групп и окончаний с современными.

В древнерусском языке были группы: I—склонение имен женского рода, оканчивающихся в именительном единственного числа на *а*, в родительном при твердых основах на *ы*, при мягких на ê: жена-жены, земля-земле; II—склонение имен мужского и женского родов, оканчивающихся в именительном единственного числа на *ь*, в родительном на *и*: путь-пути, кость-кости; III—склонение имен мужеского рода, имеющих в родительном единственного числа окончание *у*: сын-сыну; IV—склонение имен мужеского и среднего родов, имеющих в родительном единственного числа окончание *а*:

стол-стола, село-села; V—склонение имен всех трех родов, имеющих в родительном единственного числа окончание *е*: камень-камене, мати-матере, имя-имене.

В современном русском языке имеются группы: I—склонение имен женского рода, оканчивающихся в именительном единственного числа на *а*, в родительном на *ы* (и): жена-жены, земля-земли; II—склонение имен женского рода, оканчивающихся в именительном единственного числа на *ь*, в родительном на *и*: кость-кости; III—склонение имен мужеского и среднего родов разных окончаний, имеющих в родительном единственного числа *а*: стол-стола, село-села; IV—склонение отдельных слов: путь, мать, имя.

Сравнение окончаний прежних и новых групп вскрывает общие направления совершившихся изменений.

В словах мужеского рода III группы склонений современного языка в именительном-винительном падежах, кроме окончания *ы*, могут быть еще окончания *и* и *а*: соседи, города; в родительном падеже тех же слов, кроме окончания *ов*, может быть одна основа без окончания: сапог, чулок, или окончание *ей*: ножей, шалашей. От некоторых слов творительный множественного числа употребляется с окончанием *ми*: дверьми, лошадьми, детьми, людьми.

Как видно из приведенных прежних и новых группировок имен и падежных окончаний, основы изменения форм склонения шли по трем направлениям: 1) обособление имен в единственном числе по родам, 2) обособление имен по числам и 3) вытеснение окончаний, морфологически мало выделяющихся, окончаниями, более выделяющимися.

Ед. ч. древнерусских групп.

	I	II	III
Им.	жена, земля	путь, кость	сын
Вин.	жену, землю	путь, кость	сыну (сына)
Род.	жены, землѣ	пути, кости	сыну (сына)
Дат.	женѣ, земли	пути, кости	сынови
Тв.	женою, землею	путьмь, костию (ью)	сынъмь
Пр.	жене, земли	пути, кости	сыну

IV	V
стол	имя
стол	имя
стола	имене (имени)
столу	имени
столъмь	именьмь
столе	имене (имени)

Ед. ч. современных групп.

	I	II	III	IV
Им.	жена, земля	кость	стол	Группа представляет склонения отдельных слов; род., дат. и проч. падежи имеют окончание *и*, твор. муж. и ср. род имеет окончание *ем*, в жен. окончание *ью*.
Вин.	жену, землю	кость	стол	
Род.	жены, земли	кости	стола	
Дат.	жене, земле	кости	столу	
Тв.	женою, землею	костью	столом	
Пр.	жене, земле	кости	столе	

В родительном и предложном падежах слов III группы может быть также окончание *у*: в лесу, на краю.

Мн. ч. древнерусских групп.

	I	II	III
Им.	жены, землê	путье (путие), кости	сынове
Вин.	жены, землê	пути, кости	сыновъ (сыны)
Род.	женъ, земль	путьи (путии), костьи (костии)	сынов
Дат.	женам, землям	путьмъ, костьмъ	сыномъ
Тв.	женами, землями	путьми, костьми	сыньми
Пр.	женах, землях	путьхъ, костьхъ	сынохъ (сынъх)

	IV	V
Им.	стол	имена
Вин.	столы	имена
Род.	столъ	именъ
Дат.	столомъ	именьмъ
Тв.	столы	имены
Пр.	столехъ	именьхъ

Имена IV группы с конечной мягкой согласной в основе имели в вин. мн. окончание ê; имена V группы муж. и жен. родов имели в им. и вин. мн. окончания или *ы*: камы, свекры, или *и*: дьнии, матери.— Имена IV группы ср. р. изменялись в обоих числах как слова этой группы муж. рода, только в им. вин., мн. имели окончание *а*: села, поля.

Мн. ч. современных групп.

	I	II	III	IV
Мн.	жены, земли	кости	столы, села	поля, имена
Вин.	жен, земли	кости	столы, села	поля, имена
Род.	жен, земель	костей	столов, сел	полей, имен
Дат.	женам, землям	костям	столам, селам	полям, именам
Тв.	женами, землями	костями	столами, селами	полями, именами
Пр.	женах, землях	костях	столах, селах	полях, именах

В единственном числе большинство имен мужеского и среднего родов, имевшие падежные окончания, совпадавшие с окончаниями имен женского рода (имена II и V групп) перешли в группу, имевшую более обособленные окончания (IV группу), и в настоящее время от этих групп остались только отдельные слова, удерживающие свои

прежние окончания лишь в литературном языке (ср. имеющиеся вне литературного языка *времю, знамю, времемь* и т. п.).

Во множественном числе все имена получили в дательном, творительном и предложном падежах одинаковые окончания: *ам, ами, ах,* и тем резко обособились от имен единственного числа. Однообразные окончания были проведены также и в именительном-винительном этого числа: вместо прежних *ы, и, е, ê, ие* мужского и женского родов и *а* среднего рода были проведены *ы, и, а,* при чем окончание *а* распространилось и в именах не только среднего рода.

Из окончаний, выделяющихся морфологически среди других древнерусских окончаний, получили распространение окончания *ов* и *ей* в родительном множественного числа и окончание *у* в родительном и предложном единственного числа. Окончание *ов*, взятое у имен III группы распространилось в большинстве имен мужеского рода твердого склонения, а отчасти и в именах среднего и женского родов: облаков, ружьев, и народные: семенов, делов, комнатов, песнев. Окончание *ей,* взятое у имен II группы, распространилось в именах мужеского и среднего родов мягкого склонения. Окончание *у* из III же группы распространилось в именах мужеского рода, не вытесняя прежних окончаний родительного и предложного падежей, а лишь диференцируя их значение: родительный на *у* получил значение родительного разделительного, а предложный на *у*—значение местного.

Время и развитие большинства совершившихся изменений прослеживается с достаточной полнотой по памятникам письменности, в которых эти изменения отразились в употреблении отдельных форм.

Частичный переход имен типа *сын* в группу имен типа *стол* наблюдается уже в самых ранних памятниках русской письменности. В этих же памятниках наблюдается и употребление окончания *ов* в родительном множественного числа и окончания *у* в родительном и предложном единственного числа в отдельных словах типа *стол.* Однако более частое употребление этих окончаний встречается только начиная с XIII века, при чем окончание *ов* в памятниках делового письма уже в этом веке преобладает над окончаниями *ер* и *ь.* Так как случаи перехода имен типа *сын* в группу имен типа *стол* имеются и в ранних южнославянских памятниках письменности, то видно, что начало этого перехода произошло еще в доисторические времена жизни русского языка, в историческое же время произошло только его завершение. Наиболее интенсивно происходил этот процесс, повидимому, в начале XIII века.

Распространение в родительном множественного числа окончания *ей* наблюдается в памятниках, начиная с конца XIII века. Явление это свойственно только русскому языку (его не знают белорусский и украинский языки).

Переход имен типа *путь* и *камень* в группу имен типа *стол* встречается в памятниках, начиная с XIII века, но можно думать, что этот переход начался раньше, так как он имеется не только в русском, но и в белорусском и украинском языках. Ему предшествовал издавний переход слов типа *камень* в группу слов типа *путь*, переход, наблюдающийся в ранних памятниках письменности не только русской, но и южнославянской.

Употребление в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа имен мужеского и среднего родов окончаний *ам*, *ами*, *ах*, заимствованных у имен женского рода, встречается в памятниках древнерусской письменности, начиная с конца XIII века. Первоначально эти окончания распространились только среди имен мужеского род. типа *стол* и лишь значительно позже (в XVI веке и позже) они захватили и другие имена как мужеского, так и среднего рода.

В окончаниях именительного и винительного падежей множественного числа произошли такие изменениа: 1) исчезло окончание ê (ять) в именительном, винительном женского рода мягких основ (это окончание исчезло также и в родительном единственного числа этих же основ, заменившись окончанием *и* из других групп) и в винительном мужеского рода таких же основ; 2) окончание *и* в именительном мужского рода твердых основ заменилось окончанием *ы*; 3) в именительном-винительном имен не среднего рода появилось окончание *а*.

1) Употребление в именительном-винительном женского рода и в винительном мужеского рода мягких основ окончания *и* вместо прежнего ять встречается в памятниках уже с начала XIII века (употребление *и* вместо ять в родительном единственного числа женского рода мягких основ встречается еще с XI века). Вытеснение прежнего окончания обьясняется тем, что оно имелось только в единичных группах слов и, повидимому, особой выразительностью для сознания говорящих не обладало (ср. окончание *ов* в родительном множественного числа, которое, можно думать, именно благодаря своей выразительности, т. е. потому, что оно отличалось сильно от других окончаний, вытеснило старые окончания *ер*, *ь*, совпадавшие с такими же окончаниями именительного-винительного единственного числа). Окончание *и* в именительном-винительном множественного

числа было и раньше достаточно распространено (оно имелось в именительном-винительном имен типа *путь*, *кость*, а также в именительном тех же имен мужеского рода, в которых оно заменяло ять в винительном), поэтому оно и вытеснило совершенно прежнее окончание.

2) Окончание *ы* в именительном падеже мужеского рода множественного числа твердых основ заимствовано из окончания винительного падежа и является результатом общего совпадения в именах мужеского рода именительного и винительного падежей. Само совпадение произошло вследствие того, что различия между именительным и винительным падежами были только в именах мужеского рода и аналогией со стороны имен других родов не поддерживались. В основах с конечной мягкой согласной прежний винительный был вытеснен именительным, т. к. окончание, имевшееся в винительном (см. выше), было вообще вытеснено окончанием тождественным с окончанием именительного, в твердых же основах прежний винительный вытеснил прежний именительный (*столы* вместо *столи*, а не наоборот). Последнее может быть обьяснено тем, что в винительном падеже сохранялось твердое *л*, которое было в то же время и в большинстве падежей, мягкое же *л*, имевшееся в именительном падеже, было в меньшинстве падежей.

В памятниках письменности единичные случаи употребления винительного падежа вместо именительного встречаются уже с XI века, но только с начала XIII века они получают большее распространение.

3) Окончание *а* в формах именительного-винительного множественного числа имен не среднего рода представляет довольно позднее новообразование. В памятниках такие формы встречаются, только начиная с конца XV века. Возникновение их и продолжающееся вплоть до настоящего времени распространение представляют в сущности дальнейшее развитие тех процессов, которые происходили в формах склонения в более раннее время, именно, процесса обособления имен по числам и процесса распространения окончаний, морфологически более выразительных. Окончание *а* в именительном-винительном множественного числа сближало эти формы с уже распространенными формами на *ам*, *ами*, *ах* дательного, творительного, и предложного падежей того же числа и тем самым резче противопоставляло формы единственного числа формам множественного. Это же окончание обладало и морфологической выразительностью, так как оно было прежде всего в именительном падеже имен собирательных: зятья, братья, господа и пр., т. е. таких имен, одной из составных частей понятия

которых была множественность. Кроме того, это окончание в именительном-винительном множественного числа имели имена парных предметов, сохранившие в этих формах окончание именительного-винительного падежей прежнего двойственного числа: берега, рога, глаза и пр. Имевшееся в этих именах понятие неединичности также закрепляло больше формальное значение окончания и тем самым способствовало его выразительности. Окончание *а* в именительном-винительном множественного числа было также и в именах среднего рода, но окончание этих форм могло только содействовать большему распространению рассматриваемого окончания, вызвать же его оно не могло, т. к. оба эти окончания различались и различаются: окончание *а* в словах среднего рода может быть как ударяемым, так и неударяемым: имена, поля, и окна, весла, в словах же мужеского и женского родов оно будет всегда ударяемым: города, дома, учителя, диалектические—зеленя, податя и пр., ударяемым же оно было и в именах собирательных и в именах парных предметов.

§ 12. В формах лица изменения произошли главным образом в окончании 3-го лица обоих чисел. В древнерусском языке 3-е лицо обоих чисел употреблялось или с окончанием *ть* или без него: ведеть, веде, ведуть, веду. Формы без окончания сохранились без изменения до настоящего времени. В современном русском языке они употребляются в большей части южно-великорусских говоров и в меньшей части северно-великорусских. В литературном языке они неупотребительны. В формах, имевших окончание, произошли изменения, противопоставляющие в настоящее время северно-великорусский и литературный языки языку южно-великорусскому. Именно, в северно-великорусском, а вместе с ним и в литературном, на месте этого окончания имеется *т* твердое, а в южно-великорусском на месте его имеется *т* мягкое. Только в некоторых говорах северно-великорусского языка (в отдельных олонецких говорах) имеется не твердое, а мягкое *т* в 3-м лице множественного числа при окончании *ут*, т. е. в глаголах 1-го спряжения: ведуть, несуть.

Изменение окончания *ть* в *т* мягкое, имеющееся в современном южно-великорусском языке, не представляет затруднений для своего понимания: *т* мягкое получилось из *ть* в результате отпадения в последнем конечного гласного *ь*, отпадения, последовавшего в силу общего исчезновения слабых *ер*, *ь* как звуков. Так как *т* перед гласным *ь* не было твердым и в древнерусском языке, то понятно, почему оно в настоящее время является нетвердым и в южно-

великорусском. Изменение же окончания *ть* в *т* твердое, имеющееся в настоящее время в севернорусском и литературном языке, представляет некоторые затруднения для своего понимания. Общего отвердения зубных, ставших конечными после отпадения конечного *ь*, в языке не было, и имеющееся последовательное отвердение *т* в 3-м лице представляется единичным явлением, не поддающимся пока достаточным обьяснениям. Покойный академик *А. А. Шахматов*, разбирая это явление, высказал предположение, что отвердение конечного *т* представляет фонетическое явление: отвердение конечных согласных там, где они не поддерживались аналогией со стороны родственных форм. Этому явлению способствовала, по его предположению, связь формы 3-го лица единственного числа с указательным местоимением *тъ*; доказательством этой связи могут служить: 1) имеющееся диалектическое *то* в 3-м лице единственного числа: идето, ходито, которое могло получиться только из *тъ*, и 2) имеющееся в олонецких говорах полное вытеснение мягкого *т* в формах единственного числа при сохранении его в формах множественного, что указывает на отвердение *т* первоначально в формах единственного числа [1]). Возможно однако, что рассматриваемое отвердение явилось результатом не фонетических причин, а морфологических. На эту мысль наводит указанное выше различие в олонецких говорах окончаний 3-го лица множественного числа: окончание *ут* произносится с мягким *т*, окончание *ат* с твердым: идуть, поють, но стучат, гремят. Если сопоставить эти окончания с окончаниями 3-го лица единственного числа и с окончаниями инфинитива, получившими распространение в результате вытеснения окончания *ти* через *ть* (см. ниже, § 15), то сохранение мягкого *т* в окончании *ут* становится понятным именно как явление морфологического порядка. После вытеснения окончания *ти* инфинитива через *ть* в языке получились в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов и в формах инфинитива одинаковые окончания *еть*, *ить*, *ать*, *уть* (в инфинитиве *ить* получилось в глаголах с основою на *и* и *ить* или *еть*, в зависимости от перехода ять в *е* или в *и* в глаголах с основою на ять). В южно-великорусском языке это однообразие устранялось тем, что 3-е лицо глаголов употреблялось в большинстве говоров без окончания, в северно-великорусском же, как можно судить на основании данных современных говоров, употребление форм 3-го лица без оконча-

[1]) *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка, §§ 485, 486.

ния не было в широком употреблении и потому не устраняло получившегося однообразия форм. Однообразие было устранено изменением окончания форм 3-го лица: нетвердое *т* этих окончаний перешло в *т* твердое. Переход этот первоначально захватил те окончания, которые были и в 3-м лице и в инфинитиве наиболее многочисленны и потому чаще других приходили в столкновение. Такими окончаниями были окончания *еть*, *ить*, *ать*, окончание же *уть* было многочисленным в формах 3-го лица, но очень малочисленным в формах инфинитива. В формах инфинитива это окончание было только в немногих глаголах с основою на *ну*. Следовательно, окончание *уть* в инфинитиве не приходило в частое столкновение с окончанием *уть* 3-го лица множественного числа, и потому вытеснять последнее окончание особой нужды не было, вытеснено же оно было в большинстве говоров уже впоследствии под влиянием аналогии. Самую возможность появления в формах 3-го лица твердого *т* можно, действительно, обьяснить связью 3-го лица единственного числа с указательным местоимением *тъ*.

В памятниках письменности достоверные случаи, указывающие на отвердение конечного *т* в формах 3-го лица (написание *тъ* вместо прежнего *ть* в памятниках светского характера), встречается с конца XIV века.

§ 13. Изменения в формах наклонения относятся 1) к формам условного наклонения, 2) к формам повелительного наклонения.

1) В древнерусском языке условное наклонение выражалось формами аориста вспомогательного глагола *бых*, *бы* и пр. и причастием на *л* соответствующего глагола. Но уже с XIII века в памятниках встречаются случаи употребления формы *бы*, представляющей 2-е и 3-е лица единственного числа, при других лицах: аще бы... быша силы былы; лихих бы есте людии не слушали и пр. Таким образом форма *бы* в этом наклонении потеряла значение личных форм и получила специальное значение условности. Это новое значение формы *бы* стало возможным благодаря тому, что аорист перестал существовать в языке как определенная форма. Дальнейшее развитие нового значения *бы* привело к тому, что эта форма превратилась вообще в частицу, обозначающую условность, и уже на этой ступени ее развития стало возможным соединение ее с разными союзами и образование новых союзов, имеющих то же значение условности: чтобы, если бы, хотя бы и проч. Такое употребление *бы* встречается в памятниках с XIV века. С XIV же века встречается употребление *бы* без форм причастия на *л*, сохраняющееся и в современном русском языке:

пообедать бы, если бы знать и т. п. Старые формы условного наклонения вытеснялись новыми постепенно, и еще в памятниках XV века встречается иногда правильное употребление старых форм условного наклонения. В памятниках XVI века эти формы встречаются уже только в единичных случаях. В современном языке от них не осталось следа.

2) В формах повелительного наклонения изменения выразились главным образом в замене одних окончаний другими.

В древнерусском языке некоторые глаголы имели в 1-м и 2-м лицах множественного числа повелительного наклонения окончания, одинаковые с окончаниями изъявительного наклонения: просим, просите, некоторые же имели в повелительном наклонении в этих формах окончания, отличавшиеся от окончаний тех же форм в изъявительном наклонении. Первые формы повелительного наклонения сохранились и до настоящего времени, вторые же претерпели изменения, приведшие их к известному единству с первыми формами. Именно 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения глаголов, имевших разные окончания в повелительном и изъявительном наклонениях заменилось тем же лицом изъявительного наклонения, а 2-е лицо множественного числа тех же форм получило окончание *ите*, которое было в той же форме в глаголах, повелительное наклонение которых в этой форме совпадало с изъявительным. Первое изменение встречается в памятниках уже с XII века, а второе с XIII.

Во 2-м лице единственного числа произошли так же некоторые изменения, являющиеся уже изменениями фонетическими. В современном русском языке окончание *и* во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения имеется только в определенных случаях: 1) когда оно под ударением: пойди, принеси и пр., 2) когда в глаголах имеется приставка *вы:* выйди, вынеси и пр., и 3) когда окончание приходится после двух согласных: прыгни, крикни и пр. В древнерусском же языке окончание *и* могло быть и в других случаях: буди, стани и пр. С течением времени эти последние формы потеряли свое конечное *и*, и получились современные: будь, стань и пр. Формы эти оказали влияние и на тождественные случаи 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, в которых также стали образовываться формы без *и:* будьте, станьте и пр. Формы эти встречаются в памятниках уже с XIII века.

§ 14. Изменения, совершившиеся в формах залога, заключаются главным образом в изменениях, связанных с

употреблением возвратной частицы *ся*. В древнерусском языке эта частица еще не потеряла своего прежнего значения возвратного местоимения, и потому она могла употребляться отдельно от тех глаголов, к которым она относилась. Место ее относительно глагола было также свободным: она могла стоять не только после глагола, но и перед ним: что ся остало, тыми ся поделять сынове мои. С течением времени *ся* потеряло свое значение местоимения, превратилось в частицу с значением возвратности, и стало употребляться только непосредственно после глагола, слившись с ним в одно слово и перестав употребляться самостоятельно. Свободное употребление *ся* на ряду с прикреплением его к концу глагола продолжалось в русском языке до позднего времени. Еще в памятниках XVII века встречается свободное употребление *ся*. Однако значение *ся* как отдельного самостоятельного слова было утеряно раньше, так как уже от XV века имеются памятники, в которых встречаются случаи употребления *ся*, показывающие, что *ся* отдельно уже не имело значения. Именно, в этих памятниках *ся* иногда употребляется одновременно и отдельно и соединенным с глаголом в одно слово: а не можем ся вместитися в печере.

В дальнейшем *ся* настолько утратило свое самостоятельное значение, что в нем мог отпадать его конечный гласный. В результате такого отпадения и получилось современное *сь*, имеющееся в тех случаях, когда *ся* стоит после гласной: боюсь, удалось и пр.

§ 15. В инфинитиве изменения относятся главным образом к его окончанию. В древнерусском языке были, повидимому, те же окончания, что и в современном русском: *ти*, *ть (чи, чь)*. Так можно думать на том основании, что в самых ранних памятниках древнерусской письменности встречаются окончания *ти* и *ть* (древнерусским *чи*, *чь* живого языка в ранних памятниках письменности соответствует книжное *шти*: мощи, пещи и пр.). Происшедшие на протяжении веков в этих окончаниях изменения представляют лишь вытеснение одного окончания и соответственное распространение другого: *ти (чи)* было вытеснено окончанием *ть (чь)*. В ранних памятниках письменности окончание *ть* встречается только в единичных случаях, преобладающим же является окончание *ти*, в современном русском языке преобладающим является окончание *ть*, а *ти* имеется большею частью лишь в инфинитивных с ударением на конце. Только в отдельных северно-великорусских говорах встречаются в инфинитиве окончания *ти*, *чи* и при ударении на основе.

Вытеснение одного окончания и распространение другого происходило, как показывают памятники письменности, постепенно. Еще для памятников XVII века частое употребление окончания *ти* не являетстя анахронизмом. Возможность употребления в современном русском языке параллельных форм с *ти* и с *ть*: мести, месть, нести, несть и пр., показывает, что процесс вытеснения окончания *ти* продолжается и в настоящее время.

§ 16. Причастные формы древнерусского языка претерпели на протяжении времени различные изменения, приведшие их к новым формальным значениям. Одни из этих форм потеряли бывшие в них глагольные значения и стали обыкновенными прилагательными, другие сохранили глагольные значения, но потеряли возможность изменяться по числам и падежам (современные деепричастия), третьи усилили прежние глагольные значения и стали—одни глаголами, а другие словами, однородными по употреблению с глаголами (современные глаголы прошедшего времени и краткие формы причастий). Все эти изменения по своему общему направлению представляли одно и то же: диференциацию значений, имевшихся в причастных формах.

В древнерусском языке были такие формы причастий: 1) причастия настоящего времени действительного залога, 2) причастия прошедшего времени действительного залога, 3) причастия настоящего времени страдательного залога и 4) причастия прошедшего времени страдательного залога. Все эти причастия, подобно другим прилагательным, склонялись и имели полные и краткие формы. Кроме их было еще одно причастие, которое изменялось по числам и родам, но не склонялось: причастие с окончанием *л*. В своем дальнейшем развитии причастие это, как уже указывалось (§ 10), образовало прошедшее время.

Первые четыре вида причастий в своих формальных значениях содержали время, залог, вид, падеж, число, род, а также степень определенности того предмета, к которому они относились (последнее выражалось краткими и полными формами причастий). Большое количество значений, содержавшееся в формах этих причастий, привело к их диференциации: отдельные значения в отдельных группах слов исчезли, оставшиеся значения благодаря этому исчезновению укрепились, и таким путем образовались новые группы слов с новыми формальными значениями.

Причастия полные обоих залогов и обоих времен потеряли формы времени, залога и вида, выдвинув содержавшиеся в них другие формы: формы падежа, числа и рода.

Так как в языке уже была группа слов, отличавшаяся от других групп именно тем, что она содержала только формы падежа, числа и рода (прилагательные неглагольные), то новая группа слов совпала с этой группой: прежние причастия вошли в состав прилагательных. Имеющиеся в настоящее время во всем русском языке прилагательные с суффиксами *ач*, *уч* (*яч*, *юч*): лежачий, горячий, сыпучий, горючий и пр., и суффиксами *т*, *н*: битый тертый, пареный, соленый и пр., представляют прежние причастия. Суффиксы *ач*, *уч* были в причастиях действительного залога настоящего времени, а суффиксы *т*, *н* в причастиях страдательного залога прошедшего времени.

Причастия краткие страдательного залога обоих времен потеряли форму падежа, времени и вида, выдвинув формы числа, рода и залога. Потеря форм падежа выразилась в том, что формы косвенных падежей исчезли в языке, и остались только именительные падежи, потерявшие благодаря отсутствию других падежей свои падежные значения. Потеря форм времени и вида выразилась в исчезновении форм одного из времен: исчезли формы настоящего времени. Полученная новая группа слов по своим формальным значениям сходилась с имевшеюся уже в языке группою, содержавшей формы числа и рода (краткие прилагательные неглагольные), она и вошла в состав этой последней, образовав в ней отдельную подгруппу. В современном русском языке рассматриваемые причастия представлены формами кратких прилагательных с суффиксами *т* и *н*: обут, одет, выпачкан, вымазан и пр., являющимися прежними формами именительных падежей причастий прошедшего времени.

Причастия краткие действительного залога настоящего времени в отдельных случаях совпали в своих изменениях с причастиями краткими страдательного залога и перешли, как и эти последние, в прилагательные краткие. Таково именно происхождение имеющихся в современном русском языке форм: горюч, живуч и пр. В большинстве же случаев краткие прилагательные действительного залога обоих времен потеряли формы падежа, числа и рода, выдвинув больше значения форм времени, залога и вида. Так как в языке не было тождественной группы слов, то образовалась новая группа: так называемые деепричастия.

Потеря последней группой слов имевшихся в них форм падежа, числа и рода, привела к утрате всех изменяемых окончаний этих слов и переходу их в разряд слов неизменяемых. От прежних форм этих слов в языке остались: 1) форма настоящего времени именительного падежа един-

ственного числа мужеского рода: лежа, зная, 2) форма прошедшего времени именительного падежа единственного числа мужеского рода: лежав, знав, 3) форма настоящего времени именительного падежа множественного числа мужеского рода: лежучи, знаючи (рядом с *лежуче, знаюче*), и 4) форма прошедшего времени именительного падежа множественного числа, мужеского рода: лежавши, знавши (лежавше, знавше).

Диференциация причастных форм, явившаяся результатом их перепроизводства, и образование в связи с этим новых групп слов представляли, как показывают факты языка, довольно продолжительный процесс. Начало процесса возникло, повидимому, еще до времени написания первых русских памятников. Так можно думать на том основании, что уже в самых ранних русских памятниках встречаются случаи несогласованного употребления причастных форм: писцы употребляют причастные краткие формы в именительном падеже при существительных, стоящих в косвенных падежах. Такое употребление показывает, что в языке этих памятников падежные формы кратких причастий или утратились или утрачивались. Формы рода и числа в этих причастиях были, повидимому, в период написания первых русских памятников еще живыми формами: формы эти в большинстве случаев имеют согласование с теми существительными, к которым они относятся, и случаи несогласования имеются лишь как редкие, единичные случаи. Начиная с XIV века несогласование кратких причастий в формах рода и падежа встречается в памятниках чаще и потому можно думать, что к этому времени формы эти уже перестали быть живыми формами.

Окончание *и*, имеющееся в настоящее время в деепричастиях, получившихся из именительного падежа множественного числа мужеского рода (лежучи, знавши), является для этих форм уже вторичным окончанием. Первоначально именительный падеж кратких причастий мужеского рода множественного числа оканчивался на *е*, т. е. так, как оканчивались в той же форме существительные с основою на согласный. Но в существительных окончание *е*, как уже отмечалось (§ 11), было довольно рано вытеснено окончанием *и* других основ. Встречается *и* вместо *е* и в формах причастий именительного падежа множественного числа мужеского рода. Кроме того окончание *и* имеется в причастиях в формах именительного падежа единственного числа женского рода. Однако преобладающим окончанием в причастиях с суффиксами *ач, уч* и *вш* является в первое время *е*. В памятниках XV века окончание *е* и *и* еще бо-

рются между собою: в одних памятниках чаще употребляется *е*, а в других *и*. В дальнейшем же окончание *и* вытесняет окончание *е*. Следует отметить, что в некоторых памятниках XV века наблюдается такое явление: в памятниках, написанных более грамотно, преобладает окончание *е*, в памятниках, написанных менее грамотно, преобладает окончание *и*. Это дает возможность предположить, что окончание *е* было орфографическим окончанием. При таком предположении становится понятным и общее преобладание окончания *е* в отдельных памятниках письменности: окончание держалось благодаря орфографии.

Потеря причастий древнерусским живым языком ввела в его литературный язык употребление причастий, заимствованных из письменного языка. В этом последнем причастия были в их старославянских формах, отличавшихся некоторыми особенностями от таких же русских форм. В соответствии с *ч* суффиксов *ач*, *уч* причастий русского живого языка в письменном языке были суффиксы *ащ*, *ущ*; в соответствии с окончанием *а* в именительном падеже единственного числа мужеского рода живого языка в письменном языке было окончание *ы*. Окончание *ы* было впоследствии вытеснено окончанием живого языка (первые случаи вторжения в письменный язык форм с окончанием *а* встречаются в памятниках уже в XII веке), суффиксы же *ащ*, *ущ*, сохранились в русском литературном языке и до настоящего времени.

Других различий между формами причастий древнерусского письменного языка и такими же формами древнерусского живого языка не было, но самое сохранение причастий в русском литературном языке при отсутствии их в народных языках показывает, что не только причастия на *ащ* и *ущ* (т. е. современные причастия настоящего времени), но и все причастные формы русского литературного языка представляют заимствование из письменного языка.

IV.

Общий характер изменений русского языка в их социальной обусловленности.

§ 1. Фонетические и морфологические изменения русского языка, кажущиеся при поверхностном взгляде грудой разрозненных фактов, представляют на самом деле вполне закономерные явления, связанные со всеми изменениями социальной жизни народа и в конечном счете обусловленные этими изменениями. Знаменательным фактом является совпадение времени основных изменений языка с временем

коренных изменений социальной жизни народа. Все наиболее заметные фонетические и морфологические изменения русского языка приходятся на время: 2-я половина XII века—XIII век, но это же время является как раз временем резких социальных изменений. Именно в это время происходил такой резкий сдвиг в области хозяйственных отношений, как переход к крупной земельной собственности. Переход этот вызывал изменения, нарушавшие весь строй прежней жизни, и соответственно с этим в языке происходили изменения, нарушившие весь прежний строй языка. Такие заметные изменения в фонетике языка, как исчезновение слабых *ер*, *ь* и переход сильных в *о*, *е*, переход *е* перед следующим твердым в *о*, переход ять в *е*, переход *ый*, *ий* в *ой*, *ей*, изменение неударных *а*, *о*, *е*, отвердение шипящих,—все приходятся на время: вторая половина XII века—XIII век. На это время приходятся изменения в морфологии: ускорение процесса исчезновения двойственного числа, исчезновение имперфекта, аориста, выделение причастия на *л* в качестве самостоятельного обозначения времени и изменение всей системы склонений. Другая часть языковых изменений: отвердение *ц*, потеря преждепрошедшего и одного из будущих, распространение отдельных окончаний и пр., приходится на XVI век, но на этот же век приходятся и те заметные изменения в социальной жизни народа, которые вызывались новыми формами хозяйственных отношений: переходом к денежному хозяйству. Совпадение времени наиболее резких изменений в языке с временем наиболее резких изменений в социальной жизни народа является фактом, и, как факт, оно неопровержимо.

§ 2. Обусловленность изменений в языке изменениями социальной жизни говорящего на данном языке населения определяется самой природой языка как явления: только в обществе возникает язык и только в обществе он живет, т. е. изменяется. Вне общества нет языка, как нет и его изменений. Но все изменения общества определяются в конечном счете его экономическими изменениями, следовательно, этими последними определяются и изменения языка. Конечно, изменения языка нельзя рассматривать как непосредственные отражения экономических изменений. Нельзя, например, рассматривать исчезновение слабых *ер*, *ь* и переход сильных в *о*, *е* как прямой результат перехода населения древней Руси к более развитым формам народного хозяйства, равно как нельзя видеть в исчезновении формы преждепрошедшего времени результат перехода позднейшего населения той же Руси к денежному хозяй-

ству. Экономические изменения отражаются в языке не непосредственно, а преломляясь через ту новую сеть социальных отношений какая неизбежно возникает в каждом обществе при каждом изменении его экономики. В древне-русском языке слабые *ер*, *ь* исчезли, а сильные перешли в *о*, *е* не потому, что в древней Руси в это время исчезла возможность прежнего хищнического использования природных богатств и начался переход к другим формам хозяйства, а потому, что переход к новым хозяйственным формам создал новые социальные отношения, вызвавшие изменения в общем пользовании речью, и уже эти изменения определили направление возможного для данных звуков развития. Для того, чтобы имевшиеся в древнерусском языке слабые *ер*, *ь* могли исчезнуть, а сильные перейти в гласные полного образования, необходимо было изменение прежних соотношений в произношении ударных и неударных слогов (различия в рассматриваемых звуках были связаны ведь главным образом с ударением: слабые *ер*, *ь* были всегда безударными, а сильные были в большинстве случаев ударными), а это изменение могло явиться только как результат каких-то общих изменений речи. Но изменения речи, в свою очередь, не могли появиться вне изменений среди тех, кто пользовался речью, т. е. вне изменений в среде говорящего населения, следовательно, кснечной причиной изменения рассматриваемых звуков были те причины, которые определили изменения говорящей среды.

§ 3. Каждое из фонетических и морфологических изменений русского языка (как и другого какого-нибудь языка), рассматриваемое отдельно от изменений других звуков и форм, представляется процессом, имеющим свое самостоятельное развитие, определяемое всем предыдущим развитием данного звука или формы. Рассматриваемое же в связи с изменениями в тот же период времени других звуков и форм это изменение отдельного звука или формы представляется лишь одним из звеньев какого-либо общего процесса, происходившего в данный период времени в языке.

Сопоставление фонетических изменений, происходивших в древнерусском языке в период XII-XIII веков, показывает, что большинство этих изменений представляет результат общего процесса изменения в древнерусском языке всей прежней системы ударений. Изменения *ер*, *ь* могли произойти только при условии изменения прежних соотношений между ударными и неударными слогами: ударные слоги должны были усилиться, неударные должны были ослабеть. Такое же усиление ударных слогов и ослабление неударных предполагает и возникший процесс аканья. Именно

ослаблением произношения неударных слогов, приведших к вялости артикуляций гласных этих слогов, и могут быть обьяснены те качественные изменения, которым подверглися неударные *а, о, е*.

Изменения ударных и неударных слогов, явившиеся предпосылками для изменений *ер, ь* и неударных *а, о, е*, должны были произойти в результате изменений экспираторной стороны ударений. Изменения же музыкальной стороны ударений привели к изменениям звука ять. Для того, чтобы в прежнем сочетании *ие* получился перевес в сторону одной или другой его части, необходимо было изменение в направлении общего тона этого сочетания, а это могло произойти лишь в результате общих изменений музыкальных элементов ударения.

Следовательно, ударения древнерусского языка изменились как в экспираторном, так и в музыкальном отношении, и эти изменения вызвали изменения отдельных звуков. Нет никаких оснований думать, что самое изменение ударений было одновременным и быстрым. Оно могло также представлять известный процесс, развивавшийся с той или иной закономерностью. Несомненно, раньше других произошли изменения, вызвавшие завершение процесса изменений *ер, ь*, другие же изменения произошли уже позже.

Другие фонетические изменения древнерусского языка в период XII—XIII веков, а также такие же изменения XVI века с ударением не связаны и, повидимому, представляют результаты каких-то иных общих изменений языка, не поддающихся пока обьяснениям.

Морфологические изменения языка в оба рассматриваемых периода времени представляют результаты двух общих процессов, происходивших в языке: устранения прежних мелких подразделений в общих формальных категориях и создания в них новых, более крупных и более диференцированных разделов.

В первый период времени были уничтожены подразделения в числе (потеря двойственного числа), часть подразделений в прошедшем времени (потеря имперфекта и аориста) и подразделения в склонениях (уничтожение склонений отдельных групп), и соответственно с этим больше диференцировались в своих значениях единственное число и множественное, прошедшее время и непрошедшее, склонение имен мужеского-среднего родов и склонение имен женского рода. Во втором периоде времени были уничтожены оставшиеся подразделения в прошедшем времени (потеря преждепрошедшего), подразделения в будущем (потеря преждебудущего) и подразделения в склонениях имен муже-

ского рода множественного числа (распространение окончаний *ам*, *ами*, *ах* в дательном, творительном и предложном падежах на новые групп слов), и соответственно с этим резче обособились настоящее, прошедшее и будущее время и склонение имен в единственном и множественном числе.

§ 4. Общие процессы, происходившие в языке и приведшие к изменению его формальных особенностей, отличаются по своему характеру от таких же процессов, приведших к изменению звуковых особенностей языка. Процессы, приведшие к формальным изменениям языка, связаны с языком как с средством мышления, процессы, приведшие к звуковым изменениям языка, связаны с ним как с средством общения. Формальные изменения древнерусского языка показывают, что у говорившего на нем населения произошли изменения в его общем восприятии мира, фонетические изменения этого языка показывают, что у этого населения произошли изменения в его общем пользовании языком.

Такие изменения, как исчезновение отдельных форм числа, времени, исчезновение отдельных групп склонений, могли произойти только потому, что у говорящих изменились прежние представления общих категорий, обозначаемых данными формами языка: понятие числа перестало восприниматься как единичность, двойственность и множественность, а стало восприниматься только как единичность и множественность; понятие времени перестало восприниматься как ряд мелких отрезков времени, а стало восприниматься только как три основных отрезка: настоящее, прошедшее, будущее; противоположение отдельных групп слов внутри каждого отдельного рода перестало восприниматься как отдельная значимая категория и потеряло совсем значение. Только потому, что произошли такие изменения в восприятии говорящих, могли произойти наблюдаемые изменения в формах языка.

Изменения звуков языка, в свою очередь, могли произойти только потому, что изменилось общее пользование речью: новые социальные соотношения дали новые употребления речи, и благодаря этому произошли разные изменения в силе речи, ее темпе, характере ударений и интонаций и пр., а эти изменения вызвали изменения отдельных звуков.

Таким образом фонетические и морфологические изменения древнерусского языка различаются только характером определяющих их процессов, самая же обусловленность этих процессов у них одна: как тот, так и другой процесс вызывался изменениями общей жизни говорящего населения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Цена 50 коп.

Склад издания:
Воронеж, Государственный Университет, Лингвистический кабинет.